Я до меня

От смерти к новому рождению:
исследование свидетельств
о жизни между жизнями

Исследовательская книга

Я до меня

От смерти к новому рождению: исследование свидетельств о жизни между жизнями

Сопоставление свидетельств об околосмертных переживаниях, памяти до рождения и встречах с умершими. Исследование времени, самосознания и возможной непрерывности личности.

2026

Содержание

Предисловие 4

Часть I Переживание и свидетельство

1 Что значит пережить собственную смерть 7
2 Как рассказ становится данными 13
3 Граница, которую можно измерить 20

Часть II Предполагаемый путь

4 Отделение от тела 29
5 Переход и встреча 37
6 Обзор жизни и мир вокруг 44
7 Пребывание, отдых и восстановление 53
8 Выбор возвращения 62
9 Память до рождения 70

Часть III Время и непрерывность личности

10 Два времени 79
11 Кто продолжает жить 87
12 Встречи во сне и совместные переживания 96

Часть IV Возможные объяснения

13 Сознание, мозг и пределы объяснения 105
14 Память, внушение и культура 113

Часть V Карта и смысл

15 Карта с ответвлениями 121
16 Зачем возвращаться 128
17 Как проверять картину мира 135
Заключение 142
Приложение 1 Паспорт отдельного свидетельства 144
Приложение 2 Вопросы к каждой предполагаемой фазе 146
Приложение 3 Словарь основных понятий 148
Приложение 4 Указатель обсуждаемых сообщений 151
Приложение 5 Как проверить порядок эпизодов 153
Источники 156

Предисловие

Повествование о собственной смерти всегда доходит до читателя из жизни. Один человек очнулся после реанимации и рассказал о пережитом; другой вырос и записал то, что считает воспоминанием детства. Между событием, о котором он говорит, и текстом на странице существует цепочка. В ней участвуют память, язык, вопросы собеседника, ожидания близких и решения издателя. Изучение этой цепочки позволяет сохранить ценность свидетельства и одновременно понять его пределы.

Рассказы о продолжении существования привлекают обещанием непрерывности. Там, где биография кажется законченной, возникает новая сцена: чужое присутствие, узнавание, место, похожее на дом, разговор о возвращении. Если соединить такие сцены с воспоминаниями о жизни до рождения, появляется почти готовый маршрут. Его связность сама по себе ещё ничего не решает. Необходимо установить, принадлежали ли отдельные участки одному опыту, одинаково ли они записаны и какими данными подтверждается переход между ними.

Эта книга исследует предполагаемый путь от умирания до нового рождения через сопоставление опубликованных свидетельств. В центре находятся состояние переживающего, сохранение его «Я», окружение, другие действующие лица и время. Отдельные главы посвящены отдыху, восстановлению, выбору возвращения и причинам, которыми рассказчики объясняют новый жизненный путь.

В книге различаются содержание переживания, обстоятельства его записи и выводы о природе происходящего. Когда человек сообщает, что встретил умершего родственника, устанавливается прежде всего наличие такого сообщения. При наличии ранней записи и независимого подтверждения можно проверить

дополнительные детали. Вопрос о том, кем было встреченное существо, требует отдельного рассмотрения. Различие этих уровней действует одинаково для религиозной интерпретации и для объяснения через работу мозга.

Слово «душа» встречается здесь как обозначение предполагаемого носителя личного опыта в самих рассказах и в обсуждаемых моделях. Его использование не означает, что заранее установлены состав, свойства или самостоятельное существование такого носителя. Вопрос о том, что именно могло бы продолжаться после смерти, остаётся одним из предметов исследования.

Литературную основу составляют клинические публикации, исследования памяти и самовосприятия, описания детских воспоминаний, архивы личных свидетельств и работы о переживаниях утраты. Эти группы материалов различаются по способу отбора и по доступности проверки. Книга представляет структурированное исследовательское сопоставление. Она не рассчитывает распространённость переживаний во всём населении и не заявляет исчерпывающего охвата опубликованной литературы.

Иллюстрации сопровождают три вида материала: реконструкции опубликованных описаний, авторские мысленные примеры и аналитические схемы. Их статус указан в подписях. Условные детали реконструкций отмечены отдельно, а схемы сохраняют различие между описанными связями и исследовательскими предположениями.

Первая часть объясняет, что именно доступно наблюдению. Вторая проводит через предполагаемые стадии пути. Третья рассматривает время, личность и встречи с умершими, которые не укладываются в простую линию. Четвёртая обсуждает возможные механизмы. В заключительной части строится карта с ответвлениями и разбирается вопрос, зачем вообще могло бы происходить возвращение.

Читателю не требуется принимать исходную веру в продолжение жизни или заранее отвергать её. Достаточно удерживать вопрос открытым настолько, насколько позволяют данные. Проверка может привести к достаточно определённому объяснению или оставить несколько возможностей. Она может также показать, что первоначальный вопрос объединял разные явления и потому не предполагал одного ответа.

Отношение к необычному опыту не обязано сводиться к согласию со всеми выводами рассказчика. Переживание может иметь огромное личное значение и при этом оставлять внешние обстоятельства неустановленными. Исследовательская точность начинается с возможности сказать обе эти вещи в одной книге.

Часть I Переживание и свидетельство

Глава 1

Что значит пережить собственную смерть

Переживание и событие

Фраза «я пережил собственную смерть» соединяет два разных утверждения. Одно относится к тому, что происходило с человеком. Другое — к тому, как происходящее было ему дано. Чтобы понять рассказ, необходимо распутать эту связь. Медицинское описание может устанавливать остановку кровообращения. Личное свидетельство может содержать чувство окончательного выхода из тела. Между ними требуется найти отношение, а не просто поставить знак равенства.

Человеку непосредственно доступно переживание. Он чувствует боль, видит свет, узнаёт лицо, слышит голос или ощущает присутствие без видимого образа. Вопрос о внешней причине относится к другому уровню анализа. Это различение не предполагает, что восприятие и его истолкование обязательно следуют друг за другом во времени. Если на столе стоит чашка, вопрос о различии чашки и её восприятия редко становится практической проблемой. Необычный опыт заставляет это различие учитывать.

Полезен простой мысленный пример. Человек видит во сне знакомую комнату. Внутри сна есть цвет стен, расстояние до двери, ожидание встречи. Переживание комнаты существует как событие его опыта. При этом само наличие такого переживания не устанавливает, что в соответствующий момент он находился в физической комнате. Этот пример не объясняет околосмертные переживания сновидением. Он

показывает логическую разницу между наличием опыта и выводом о его внешнем предмете.

Та же разница сохраняется при противоположном предположении. Если переживание действительно связано с внешней реальностью, сила субъективной уверенности ещё не объясняет, как эта связь работает. Для исследования нужны дополнительные признаки: точные сведения, независимые наблюдения, ограничения обычных каналов получения информации. Вопрос заключается не только в том, насколько убедительным было состояние изнутри.

Что означает слово квалиа

Словом «квалиа» здесь обозначается то, как опыт ощущается для того, кто его переживает. Можно знать длину световой волны и всё же задавать другой вопрос: как выглядит соответствующий цвет для человека. Можно описать телесные признаки страха и отдельно спросить, как переживается сам страх. Такое различение не решает вопрос о происхождении сознания. Оно помогает определить предмет разговора.

При исследовании необычных состояний легко сосредоточиться на содержании сцены и пропустить способ её переживания. Несколько историй могут упоминать свет, но в одной он воспринимается как внешний предмет, в другой — как свечение, заполняющее всё пространство, в третьей — как знание без отчётливой зрительной формы. Если записать только слово «свет», различия исчезнут.

Поэтому описание опыта требует вопросов о форме. Было ли направление взгляда? Существовало ли расстояние до предметов? Можно ли было перевести внимание? Были ли звуки похожи на речь или смысл возникал сразу? Ощущалось ли тело? Эти вопросы уточняют пережитое, не навязывая ему физическую интерпретацию. Они особенно полезны там, где привычные слова используются по аналогии.

Выражение «мне всё стало понятно» также нуждается в уточнении. Оно может обозначать чувство полноты, появление конкретной мысли, понимание отношений или возможность ответить на определённый вопрос. Если после возвращения сохраняется только уверенность в прежнем всезнании, исследователь располагает сведением об этой уверенности. Проверка объёма полученного знания возможна лишь там, где сохранилось проверяемое содержание.

Несколько значений собственного Я

Понятие «Я» не следует превращать в один неделимый показатель. Человек может помнить своё имя и биографию, но иначе ощущать местоположение. Он может воспринимать себя как наблюдающего и при этом не думать о прожитых годах. В мысленном анализе можно различить чувство присутствия, принадлежность тела, авторство действия, память о себе и способность размышлять о своём состоянии.

Фраза «я понимал, что продолжаю существовать» относится прежде всего к рефлексии. Переживающий замечает собственный опыт и делает о нём вывод. Однако отсутствие такой фразы не означает отсутствия сознания. В обычном сосредоточенном действии человеку не обязательно постоянно формулировать мысль о том, что он существует. Аналогично в рассказе нужно различать отсутствие рефлексивного комментария и прямое сообщение о потере самосознания.

Сохранение автобиографии ставит другой вопрос. Допустим, рассказчик уверенно называет себя тем же человеком, которым был до события. Важно выяснить, что обеспечивало эту уверенность. Он вспоминал семью? Узнавал собственное тело? Чувствовал непрерывность без воспоминаний? Сделал вывод уже после пробуждения? Эти варианты могут сопровождаться одинаковой фразой «это был я», но описывают разные основания личного тождества.

В дальнейшем слово «личность» будет использоваться для относительно устойчивой биографической и психологической организации человека, а «субъект опыта» — для предполагаемого переживающего. Это рабочее различие. Оно позволяет обсуждать возможность изменения памяти или характера без немедленного решения вопроса, появился ли другой субъект. Такой вопрос особенно остро возникает в историях о воспоминаниях прежней жизни.

Пустота в памяти и отсутствие опыта

Между последним воспоминанием перед утратой реакции и первым воспоминанием после восстановления может оставаться пробел. Сам по себе он сообщает об отсутствии доступного воспоминания. Для вывода об отсутствии любого опыта нужны другие основания. Обратное также верно: наличие воспоминания после пробуждения не устанавливает автоматически, в какую секунду оно возникло.

В мысленном примере человек помнит начало процедуры и затем обнаруживает себя в другой комнате. Для него промежуток как будто исчез. По часам могло пройти значительное время. Но субъективное отсутствие промежутка не доказывает, что время «ускорилось» для отдельного сознания. Возможно, отсутствует именно доступная запись событий. Этот пример нужен для различения измеряемой длительности и структуры памяти.

Поэтому книга будет последовательно различать наблюдаемое состояние организма, пережитое содержание, доступное воспоминание и объяснение рассказчика. Эти четыре описания относятся к одному человеку, но не обязательно имеют одинаковые временные границы. Их сопоставление составляет первый шаг к исследованию.

Рисунок 1. Четыре уровня одного случая. Слева направо, сверху вниз показаны состояние организма, переживание, воспоминание и объяснение. Авторская композиция разделяет стороны одного случая, не задавая последовательности их возникновения.

Почему вопрос остаётся содержательным

Осторожное различение не устраняет главный интерес. Возможность продолжения личного опыта после смерти затрагивает то, что человек обычно принимает за собственное существование. Если тело, память, характер и чувство присутствия могут рассматриваться отдельно, становится яснее, какие именно свойства предполагается сохранить.

Для мысленного сопоставления можно различить три варианта продолжения. В одном сохраняется биография, в другом — только минимальное чувство присутствия. Третий допускает перенос информации без сохранения переживающего. Эти варианты нельзя объединять одним словом «бессмертие»: они отвечают на разные вопросы о том, что останется от конкретного человека.

Следующие главы начнут с доступных свидетельств. Прежде чем обсуждать весь предполагаемый цикл, потребуется понять, какой вес имеет отдельный рассказ и что происходит, когда несколько рассказов начинают восприниматься как описание одной системы.

Глава 2

Как рассказ становится данными

Первая запись

История приобретает исследовательскую форму тогда, когда становится возможным восстановить происхождение её подробностей. Кто первым сообщил о необычном переживании? Какие слова были использованы? Что было известно в тот момент? Кому рассказали дальше? Без такой последовательности даже подробная публикация может оставлять самое важное обстоятельство неизвестным.

Ранняя запись полезна потому, что ограничивает пространство возможного изменения. Если сообщение записано до знакомства с предполагаемой прежней семьёй, некоторые последующие влияния можно исключить из происхождения уже зафиксированных деталей. Это не исключает более ранних каналов информации и не гарантирует правильности записи. Зато появляется определённая граница, которую можно проверять.

Поздний рассказ тоже может содержать ценные сведения. Его ограничение состоит в том, что исследователь чаще вынужден восстанавливать предшествующий путь информации по памяти участников. Желание быть точным не заменяет документа. Поэтому качество свидетельства определяется не одной искренностью, а сочетанием искренности, условий записи и доступной проверки.

В книге дата предполагаемого события будет отличаться от даты первого документирования. В случае ребёнка полезно дополнительно различать начало высказываний, первое подробное интервью и первый контакт между семьями. Для клинического случая важны первая беседа после

восстановления и доступ рассказчика к объяснениям окружающих. Для сна — время записи и момент получения относящихся к нему известий.

Единица наблюдения

Подсчёт начинается с определения единицы. Один человек способен сообщить о нескольких переживаниях. Один случай может появиться в статье, книге, интервью и документальном фильме. Несколько исследователей могут повторно анализировать одну выборку. Если считать каждую публикацию новым подтверждением, число свидетельств вырастет без появления новых наблюдений.

Независимость также имеет несколько значений. Два человека могут не знать друг друга, но отвечать на одинаковые направляющие вопросы. Два свидетеля могут находиться рядом и обсудить событие до первого интервью. Два автора могут использовать общий ранний рассказ. Во всех этих ситуациях совпадение существует, однако его происхождение различается.

Представим условный архив из двадцати историй. Позже выясняется, что восемь текстов являются пересказами одного случая, а ещё четыре получены от членов одной семьи после совместных обсуждений. Арифметическое число текстов остаётся прежним. Возможность использовать его как число независимых наблюдений исчезает. Пример показывает, почему библиография и корпус случаев требуют разных реестров.

Рисунок 2. Один случай и несколько публикаций. Условная схема показывает, как статья, книга, интервью и фильм могут восходить к одному свидетельству. Число публикаций отличается от числа независимых случаев.

Групповые проценты нуждаются в таком же внимании. Если только часть участников ответила на вопрос, доля ответа среди ответивших не совпадает с долей среди всех приглашённых. Для книги существенно указывать, где речь идёт о группе выживших, группе согласившихся на интервью, группе с доступной записью или группе, прошедшей определённый порог опросника.

Сходство описания и сходство функции

Сравнивать рассказы можно на нескольких уровнях. На первом сохраняется конкретный образ: экран, мост, комната, человек, свет. На втором выделяется действие: просмотр, переход, ожидание, сопровождение. На третьем появляется предполагаемая функция: получение информации, изменение состояния, восстановление, подготовка решения.

Такая классификация полезна, пока переход между уровнями остаётся видимым. Экран и голос могут выполнять функцию сообщения, но из этого не следует, что они являются

двумя обликами одного устройства. Различие материала, пространства, способов взаимодействия и авторства сообщения может оказаться существенным.

Слишком узкое сравнение рискует пропустить смысловое сходство. Слишком широкое обнаружит его почти повсюду. Категория «человек проходит через изменение» легко объединит сон, путешествие, обучение и болезнь. Поэтому правило отнесения к категории должно объяснять и включение случая, и его исключение. Такое правило далее называется кодом анализа; речь идёт о разметке материала, а не о компьютерной программе.

Рабочая карта книги сохраняет рядом описание и интерпретацию. Если рассказчик говорит об ожидании в комнате, это остаётся описанием. Отнесение к фазе подготовки является исследовательским решением, которое можно пересмотреть. При отсутствии сведений о цели ожидания нельзя незаметно добавить такую цель в исходный рассказ.

Молчание источника

Неупомянутое событие допускает несколько объяснений. Оно могло не произойти, забыться, показаться рассказчику несущественным или не попасть в сокращённую публикацию. Возможно, соответствующего вопроса вообще не задавали. Поэтому пустое поле в карточке должно означать неизвестность, пока нет оснований для более определённого вывода.

Прямое отрицание имеет другой статус. Если человек самостоятельно подчёркивает, что никого не встретил, исследователь получает положительное сведение об отсутствии встречи в его воспоминании. Но даже тогда остаётся вопрос о полноте памяти. Аккуратная запись позволяет видеть, насколько далеко распространяется отрицание.

Для сопоставления нужны по меньшей мере четыре состояния поля: элемент описан; элемент прямо отрицается; о нём не спрашивали или не сообщили; описание неоднозначно. Их нельзя без потерь свести к двум значениям «есть» и «нет». Особенно опасно строить универсальную последовательность по таблице, где все пропуски незаметно превратились в отрицания.

Как сохранить неизвестность в записи

Разберём авторский мысленный пример. В первом рассказе сказано: «Я никого не видел». Во втором: «Я оказался в светлом пространстве», после чего запись заканчивается. В обоих текстах нет описанной встречи, но сведения различаются. Для первого отмечаем прямое отрицание зрительно воспринимаемой встречи; о присутствии без видимого образа здесь ещё ничего не известно. Для второго сохраняем неопределённость: отсутствие продолжения не сообщает, был ли кто-то рядом.

Если затем интервьюер спрашивает второго человека о проводнике и получает положительный ответ, нужны две записи. В свободном рассказе элемент не сообщён, после вопроса — описан. Это не приговор достоверности ответа. Такая запись позволяет исследовать, как способ беседы меняет состав доступного материала. При сопоставлении случаев первоначальное молчание уже нельзя незаметно заменить самостоятельным упоминанием встречи.

Отрицательный случай полезен не как риторический противовес яркой истории. Он уточняет границы модели. Если определённая стадия считается обязательной, достоверно описанное отсутствие этой стадии требует объяснения. Если стадия считается возможной, отсутствие не является опровержением. Важен заранее установленный смысл утверждения.

Вопросы меняют доступный рассказ

Интервью помогает человеку восстановить опыт, но вместе с этим задаёт форму ответа. Вопрос «что было дальше» оставляет больше возможных продолжений, чем вопрос «кто проводил вас к месту отдыха». Во втором случае уже предложены проводник, направление и место с определённой функцией.

Это не означает, что ответы на содержательные вопросы всегда ложны. Проблема заключается в происхождении элемента. Когда он появляется только после подсказки, нельзя использовать его повторение как полностью независимое свидетельство того, что многие люди сами выделяют именно такую стадию.

Поэтому в хорошем исследовательском досье сохраняется свободный рассказ до уточнений. Затем фиксируются сами вопросы и ответы. Такой порядок позволяет позднее оценить, какие подробности возникли самостоятельно, какие уточнялись и какие могли быть внесены процедурой.

Особенно осторожного анализа требуют законченные маршруты. Их привлекательность состоит в последовательности: прибытие, встреча, объяснение, подготовка, возвращение. Однако последовательность может принадлежать опыту, интервью или редактуре. Для проверки необходимо сопоставлять раннюю запись, протокол вопросов и опубликованный текст.

Как читать степень подтверждения

Свидетельство может быть хорошо подтверждено в одной части и оставаться открытым в другой. Медицинская запись способна подтвердить остановку кровообращения, но не содержание переживания. Другой свидетель может подтвердить, что рассказ прозвучал до известия о смерти, но не точное время самого переживания. Совпадение

биографической детали может требовать объяснения, не устанавливая тождество двух личностей.

Удобнее оценивать отдельные утверждения, чем присваивать всему случаю один ярлык. Например, отдельно проверяются время события, ранняя запись, точность деталей, возможные каналы информации и независимость свидетелей. Тогда сильная сторона не скрывает слабую, а слабая не уничтожает автоматически всё остальное.

Различение объяснений требует спросить, какой результат каждое из них ожидало бы увидеть. Если любой возможный ответ одинаково подходит гипотезе, она почти не помогает выбирать между вариантами. Утверждение становится содержательнее, когда допускает конкретную возможность оказаться ошибочным.

Дальнейшие главы используют именно этот способ чтения. Сначала устанавливается, что сообщено. Затем — что проверено и с какими ограничениями. После этого обсуждаются возможные объяснения. Последовательность позволяет изучать необычные истории без преждевременного превращения их в доказанную картину мира.

Глава 3

Граница, которую можно измерить

Цена одного слова

Медицинская запись позволяет уточнить ту часть рассказа, которую наблюдали другие люди. Здесь важны конкретное состояние, способ его установления и временные границы. От них зависит, какой именно вопрос получает ответ. Свидетельство о сознании при угрожающем жизни состоянии и свидетельство о существовании после окончательного прекращения жизни потребовали бы разной проверки.

Медицинское описание начинает с конкретного состояния. В руководстве Greer и соавторов 2023 года смерть по неврологическим критериям связана с установленной постоянной утратой функций мозга как целого, включая ствол. Диагноз требует специальной процедуры. Его нельзя вывести из одной лишь комы, отсутствия пульса или единственного показателя аппаратуры. Успешно реанимированный после остановки кровообращения человек не становится на этом основании примером возвращения после установленной смерти мозга. [1]

Это различие не уменьшает тяжести пережитого. Человек мог находиться в состоянии крайней опасности и пережить событие, изменившее его жизнь. Точность нужна для следующего шага рассуждения. Если исследователь утверждает, что опыт возник при полном отсутствии условий для работы сознания, он должен показать, какие условия измерялись именно у этого пациента. Само слово «смерть», даже произнесённое очевидцем, не заменяет таких данных.

Здесь полезно удерживать границу между названием и измерением. Название собирает множество деталей в

короткую формулу. Измерение возвращает к этим деталям. Время отсутствия самостоятельного кровообращения, время отсутствия реакции на обращение и время отсутствия доступного воспоминания могут обозначать разные интервалы. Когда их объединяют, возникает простая картина единственного пустого промежутка. Именно эту простоту и необходимо проверять, прежде чем помещать внутрь промежутка целое путешествие.

Временная линия реанимации

Клиническая история имеет больше одного начала. Можно отсчитывать время от последнего осмысленного ответа, от обнаружения человека, от предполагаемой остановки кровообращения, от вызова помощи или от начала реанимационных действий. Эти точки удобны для разных задач и не являются взаимозаменяемыми. Даже добросовестный пересказ способен сместить границы события, если позднее одна из них будет названа просто моментом смерти.

Международный шаблон Utstein для внебольничной остановки сердца в редакции 2024 года различает временные отметки события и оказания помощи и требует ясно указывать начало и конец вычисляемого интервала. Неизвестное время также должно сохранять свой статус. Подобная дисциплина полезна и при изучении рассказов: длительность получает смысл только вместе с определением того, что именно продолжалось. [2]

Представим условный пример, не относящийся к опубликованному пациенту. Человека находят без реакции, через некоторое время начинается помощь, затем восстанавливается кровообращение, а первый разговор становится возможен позднее. В воспоминании он слышит голос и после этого видит необычное пространство. Даже безукоризненный протокол лечения ещё не сообщает, на каком участке внешней линии находились голос и

пространство. Сначала требуется связать хотя бы один элемент рассказа с событием, имеющим независимую метку.

Такая связь может быть сильнее или слабее. Узнаваемая фраза, произнесённая несколько раз, ограничивает интервал хуже, чем единственное заранее зарегистрированное сообщение. Воспоминание о звуковом сигнале становится полезнее, если известны моменты, когда сигнал действительно звучал. Однако одна совпавшая деталь не датирует автоматически всё, что рассказчик помещает до неё и после неё. Порядок внутри рассказа и внешняя хронология ещё должны быть соединены.

Поэтому для каждой сцены необходим отдельный ответ: известно ли её внешнее время, ограничено ли оно несколькими возможными промежутками или вообще не установлено. Неопределённость здесь можно сохранить буквально, оставив незаполненное поле. Приписывание всей истории самому драматическому моменту создаёт более завершённую картину, но добавляет сведения, которых никто не наблюдал.

Рисунок 3. Четыре временные линии. Медицинские события, реакции человека, рассказанные сцены и история записи требуют отдельных временных привязок. Схема условна; численные длительности не заданы.

Что дают проспективные исследования

Проспективное исследование организуют до получения интересующих рассказов. Оно позволяет заранее определить участников, вопросы и способы проверки. Его преимущество состоит в том, что будущий результат не решает, кого следовало бы включить в выборку. Но слово «проспективное» само по себе не гарантирует, что каждый рассказ записан немедленно, все физиологические показатели сохранены и каждый участник прошёл предусмотренный тест.

В первом проекте AWARE было зарегистрировано 2060 случаев остановки сердца. Начальное интервью прошли 140 выживших, следующий этап — 101. Это разные знаменатели: число медицинских событий нельзя использовать как число людей, подробно рассказавших о переживании. Статья также описывает один случай, сведения которого удалось

сопоставить с реанимационными событиями; к содержанию этой проверки предстоит вернуться при обсуждении восприятия вне тела. [3]

В AWARE II из 567 случаев внутрибольничной остановки сердца выжили 53 человека, интервью завершили 28, а 11 сообщили воспоминания или восприятия, которые авторы связали с возможным сознанием. Среди описаний выделены различные категории, в том числе шесть сообщений о трансцендентном переживании смерти. Категории частично перекрывались. Эти числа нельзя складывать так, будто каждое обозначает отдельного человека. Скрытое изображение никто не опознал; в статье также сообщается об одном опознании слухового стимула среди 28 интервьюированных. Такой ответ сам по себе не устанавливает внетелесный способ получения информации. [4]

Рисунок 4. Группы участников AWARE II. Исходные случаи, выжившие, опрошенные и сообщившие воспоминания образуют разные группы. Категории переживаний в исследовании частично перекрывались. [4]

За каждым сокращением выборки стоит изменение доступных сведений. Если человек умер, интервью невозможно. Если выжил, но не способен участвовать, его субъективный опыт остаётся неизвестным. Если согласился на беседу, но ничего

не помнит, исследователь получает определённый результат опроса. Поэтому доля рассказов среди опрошенных характеризует именно эту доступную группу. При переносе числа на всех умиравших появляются дополнительные предположения, которые нужно назвать.

Это особенно существенно для карты фаз. Длинный рассказ легче распределить по этапам, чем фрагмент из одного ощущения. Но предпочтение подробных историй может сделать переходы более закономерными уже на уровне отбора. Исследованию полезны и краткие сообщения, и рассказы без света, встреч или обзора жизни. Они показывают, где предполагаемая последовательность заканчивается, меняет направление или вовсе не начинается.

Переживание и доступ к воспоминанию

Состояние человека в момент события и его способность позже рассказать о нём представляют собой два исследовательских вопроса. Положительный ответ в интервью доказывает наличие рассказа в момент беседы. Чтобы определить, когда возникло его содержание, требуется дополнительная работа. Отрицательный ответ сообщает, что доступного рассказа получить не удалось. Между этими результатами остаётся пространство, которое нельзя заполнить одним предположением о работе памяти.

В исследовании Sanders и соавторов 12 из 260 пациентов при проведении общей анестезии выполнили команду движением специально изолированной руки. При этом ни одно из 253 проведённых послеоперационных интервью не выявило явного воспоминания событий операции. Аннотация не позволяет уверенно связать каждого ответившего во время процедуры с последующим интервью. Тем не менее она ясно различает поведенческую реакцию в момент события и позднее сообщение о памяти. [5]

Другой результат получен в исследовании Mauduit и соавторов после операций на аорте: ни один из 101 пациента не сообщил воспоминаний периода отсутствия реакции. У 67 операция включала гипотермическую остановку кровообращения. Это данные о конкретных условиях операции и последующего опроса. Они не позволяют приравнять отсутствие воспоминания к измеренной нулевой субъективной длительности. [6]

Что ограничивает нулевой результат

Нулевой результат позволяет поставить более точный вопрос: насколько часто процедура могла бы выявлять доступное воспоминание в этих условиях? Разберём отдельный математический пример на размере группы из 101 человека. Если считать наблюдения независимыми, а вероятность положительного отчёта одинаковой, отсутствие таких отчётов даёт одностороннюю точную биномиальную верхнюю границу около 2,9 процента при уровне доверия 95 процентов. Расчёт имеет вид $p_{max} = 1 - 0{,}05^{(1/101)}$. Это дополнительный расчёт данной книги, а не статистическая оценка, заявленная авторами исследования. [6]

Граница относится к вероятности получить отчёт по заданной процедуре. Эта вероятность зависит от возникновения опыта, сохранения доступной памяти и возможности сообщить её при опросе. Без отдельной оценки этих звеньев число 2,9 процента нельзя использовать как предел частоты любого переживания. Различение подсказывает следующий опыт: одновременно исследовать качество последующего доступа к памяти и регистрацию субъективного содержания, сохраняя медицинские условия сопоставимыми.

Для исследования продолжения личности здесь есть важное следствие. Пустота в рассказе не равна рассказу о пустоте. В первом случае человек ничего не может сообщить. Во втором он описывает пережитое отсутствие предметов, темноту или

чувство несуществования. Второй вариант уже содержит определённую феноменологию, то есть характеристику того, как состояние переживалось. Объединение этих вариантов уничтожило бы различие между пропущенными данными и своеобразным содержанием опыта.

Одинаково осторожно следует относиться к длительной госпитализации. В проспективной работе Rousseau и соавторов среди 126 переживших длительное пребывание в реанимации 19 достигли принятого порога околосмертного опыта. Авторы не смогли установить, в какой момент лечения возникало переживание. Время нахождения в отделении поэтому не задаёт длительность описанных сцен. [7]

Что остаётся измеримым

Клиническое исследование не обязано сразу решать вопрос о посмертном существовании, чтобы быть содержательным. Оно может установить, насколько часто при определённых условиях получают рассказы, какие признаки в них сочетаются и какие внешние события удаётся сопоставить с воспоминаниями. Оно также может обнаружить собственную границу: участок, для которого нет записи, ответа или надёжной временной отметки.

Для последующего анализа удобнее сохранять несколько параллельных линий. На первой располагаются медицинские события. На второй — наблюдаемые реакции человека. На третьей — последовательность, о которой он рассказывает. На четвёртой — сами интервью и последующие изменения рассказа. Совпадения между линиями становятся результатом проверки. Их нельзя заранее получать, помещая всё неизвестное в один удобный интервал.

Такой способ чтения оставляет место неожиданному. Если деталь действительно закреплена в раннем рассказе и независимо совпадает с событием, её следует исследовать, даже когда готового объяснения нет. Но недостающие данные также должны оставаться недостающими. Исследовательская честность проявляется в обоих случаях: сохранение неудобного наблюдения и отказ от удобного дополнения требуют одинаковой дисциплины.

Предполагаемый путь начинается здесь с доступной наблюдению границы. Есть тело, медицинская ситуация и позднее свидетельство. Дальше рассказ может перенести наблюдателя под потолок, к свету или в незнакомое пространство. Чтобы двигаться вместе с ним, необходимо сначала понять, что означает само ощущение перемещения и какой именно объект, по словам человека, изменил своё местонахождение.

Часть II Предполагаемый путь

Глава 4

Отделение от тела

Где находится наблюдатель

Ощущение выхода из тела кажется особенно убедительным, потому что касается самого условия наблюдения. Человек сообщает, что изменился не один предмет перед ним, а положение того, кто видит. Тело может стать частью окружающей сцены: оно находится внизу, в стороне или на расстоянии, тогда как точка присутствия остаётся там, откуда воспринимается происходящее. В этой формулировке пока описан смысл сообщения. Вопрос о физическом перемещении сознания ещё предстоит поставить отдельно.

Для точного чтения достаточно нескольких различий. Видеть изображение собственного тела и чувствовать себя находящимся вне него — разные характеристики. К ним может добавляться впечатление движения, лёгкости, отсутствия веса или новой телесной формы. Есть также отдельный вопрос о принадлежности: воспринимается ли видимое тело как своё или оно кажется чужим. Рассказ, содержащий только одну из этих характеристик, не следует дополнять остальными ради соответствия известному сюжету.

Рисунок 5. Тело и переживаемая точка наблюдения. Одна условная комната показана с положения лежащего человека и сверху. Авторская иллюстрация различает видимое тело и положение, из которого воспринимается сцена.

Возможен мысленный пример. Человек представляет фотографию себя со стороны и прекрасно понимает, что смотрит на изображение. Из этого не следует, что его переживаемое местоположение перенеслось в точку съёмки. И наоборот, можно сообщать о смещении себя в пространстве, вообще не описывая видимого двойника. Слово «выход» объединяет эти варианты быстрее, чем исследование успевает их различить.

Изменение перспективы также не означает исчезновения самосознания. Внутри рассказа могут сохраняться узнавание себя, интерес, удивление и способность принимать решения. Но сообщение «я понимал происходящее» ещё не раскрывает всех этих свойств. Полезно спросить, что именно человек понимал в тот момент, а что заключил позднее. Смысл переживания может быть вполне ясным для рассказчика, хотя последовательность его осмысления остаётся неизвестной.

Перспектива, которую удаётся изменить

В 2002 году Blanke и соавторы описали пациентку с эпилепсией, у которой стимуляция правой угловой извилины неоднократно вызывала ощущение взгляда сверху на ноги и нижнюю часть туловища. Возникали также лёгкость и впечатление положения над кроватью. При изменении внимания и положения конечностей менялись телесные иллюзии. Эти эпизоды не составляли её обычных приступов; область стимуляции отличалась от выявленного эпилептического очага. [8]

В исследовании Ehrsson 2007 года здоровые добровольцы через дисплеи видели собственную спину с позиции камер, расположенных позади них. Согласованные зрительные события и прикосновения усиливали ощущение нахождения в этой новой позиции. При угрозе воспринимаемому телу менялась кожная проводимость — физиологический показатель реакции. Сравнение с несогласованными условиями позволило исследовать влияние организации сенсорных сигналов. Информация об окружении поступала через камеры и глаза. [9]

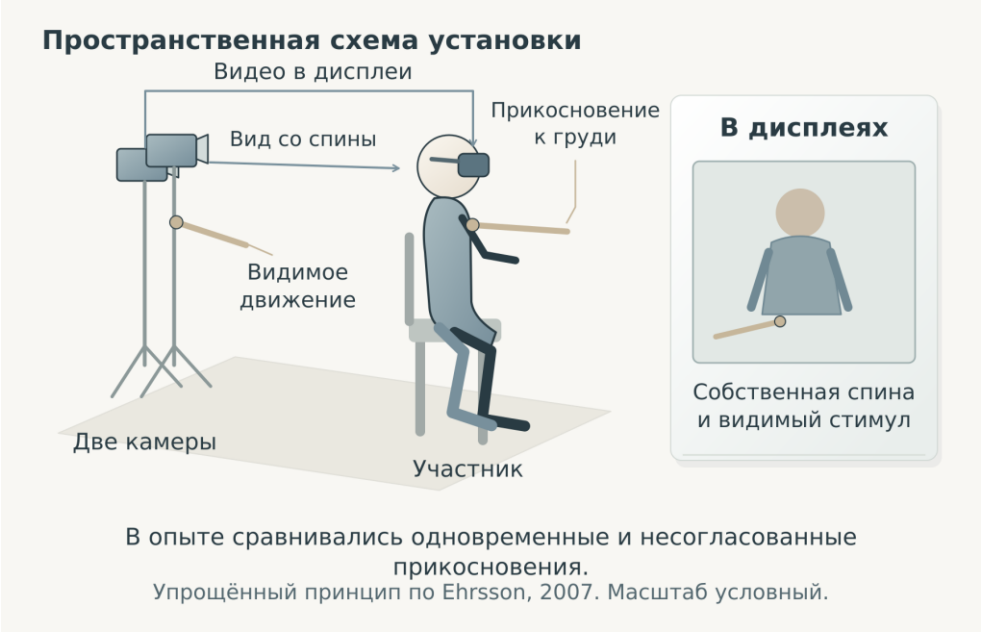

Рисунок 6. Экспериментальное изменение перспективы. Упрощённая схема исследования Ehrsson показывает изображение с камер и согласование зрительных событий с прикосновениями. Информация об окружении поступает через обычный зрительный канал. [9]

Такие результаты важны для определения предмета спора. Переживаемое местонахождение себя допускает экспериментальное изменение. Следовательно, непосредственная уверенность в том, где находится наблюдатель, сама по себе не является независимым измерением его физического положения. Это общий вывод о способе проверки: пространственный опыт и внешний источник сведений должны исследоваться разными средствами.

Из этого не получается готового объяснения любой истории. Конкретный эксперимент воспроизводит выбранные условия и измеряет определённые признаки. Другая история может содержать дополнительные элементы, которые в нём отсутствовали. Обоснованное сравнение начинается с перечня совпадающих характеристик, затем переходит к различиям.

Фраза «в лаборатории вызвали то же самое» слишком быстро стирает эту работу, если одинаковым оказался лишь один пункт описания.

Причинное вмешательство особенно ценно там, где помогает отделить свойства, обычно соединённые в обыденном опыте. Можно изучать, меняется ли перспектива при сохранении биографической памяти, зависит ли чувство принадлежности от движения и как связана угроза телу с переживаемым положением себя. В таком исследовании вопрос о сознании становится точнее: вместо единственного неделимого «Я» рассматриваются характеристики, которые можно различать в сообщениях и сопоставлять с условиями.

Когда появляется другой

Отделение от привычной телесной позиции иногда обсуждают рядом с чувством чужого присутствия. Эти темы связаны вопросом об источнике действия. Человек ощущает прикосновение или движение и воспринимает его как своё либо как исходящее от кого-то ещё. Для карты встреч это существенно: чувство, что рядом кто-то есть, может возникнуть раньше различимого образа и раньше объяснения, кем является присутствующий.

Blanke и соавторы в работе 2014 года сочетали наблюдения неврологических пациентов с экспериментами у здоровых участников. В роботизированной установке рассогласование между движением руки и прикосновением к спине усиливало чувство другого человека рядом. Авторы исследовали именно такое присутствие и связанные телесные впечатления. Опыт не устанавливал личность умершего, не проверял сообщение проводника и не воспроизводил целый загробный мир. [10]

Для анализа рассказа это предлагает последовательность вопросов. Сначала следует выяснить, что было дано непосредственно: ощущение близости, силуэт, голос, лицо или обращённое к человеку действие. Затем — как возникло

узнавание. Оно могло быть связано с внешностью, с содержанием сообщения либо с непосредственной уверенностью без различимых признаков. Эти варианты не взаимозаменяемы, хотя позднее могут быть выражены одинаковой фразой о встрече с родственником.

Последний уровень — информация. Даже если присутствие имеет известный возможный механизм, утверждение о полученных неизвестных сведениях требует собственной проверки. И наоборот, точность отдельных сведений не устанавливает автоматически все свойства того, кому они приписаны. Разделение позволяет работать с каждым вопросом, не заставляя один результат отвечать сразу за происхождение образа, его идентичность и устройство мира, в котором он появился.

Что означает видеть

Слово «видеть» кажется простым, пока исследование не начинает уточнять его содержание. В рассказе оно может означать цветную сцену с точкой обзора, мгновенное знание расположения предметов, образ без обычной зрительной перспективы или уверенность, что происходящее было доступно целиком. Различия важны и для описания квалиа, и для проверки возможного информационного канала.

Ring и Cooper в 1997 году опубликовали интервью с 31 слепым участником, сообщавшим об околосмертных либо других внетелесных переживаниях. Авторы отдельно обсуждали неоднозначность зрительного языка: «видение» могло передавать сочетание пространственного знания и иных впечатлений. В случае Nancy удалось опросить свидетеля, но его рассказ содержал и обычный слуховой канал: он обращался к пациентке по имени. Исследование предлагало необычную интерпретацию, однако опубликованные сведения не превращали каждый эпизод в контролируемый тест зрения без глаз. [11]

Полезен принцип, который не зависит от отношения к таким историям: проверяемое знание следует описывать отдельно от предполагаемого способа его получения. Если человек правильно назвал присутствовавшего, нужно знать, какие различимые признаки он сообщил до подтверждения. Если назвал предмет, важны точность, расположение и возможность узнать о нём заранее или позднее. Даже верный ответ может иметь несколько источников, и задача проверки состоит в постепенном их разграничении.

Это требует внимательного отношения к языку самого рассказчика. Исследователь не должен превращать необычное ощущение в обычную картинку только потому, что картинку удобнее пересказывать. В то же время неопределённое «я знал всё» нельзя без дополнительных сведений считать точным знанием конкретных объектов. Доступная проверке деталь получает вес благодаря своей определённости, времени записи и независимости сопоставления.

Внешнее событие и точность рассказа

В случае, подробно разобранном авторами AWARE I, 57-летний пациент описал сведения о реанимации, которые авторы сопоставили с медицинской записью и работой автоматического дефибриллятора. Временную связь они реконструировали примерно в пределах нескольких минут. Индивидуальной ЭЭГ этого эпизода не было, а скрытая зрительная мишень в помещении отсутствовала. Поэтому опубликованная проверка относится к узнаваемым реанимационным событиям, но не к чтению заранее спрятанного изображения. [3]

Похожее внимание к происхождению сведений требуется в известном рассказе хирурга Lloyd Rudy. Публикация Rivas и Smit основана на его позднем видеорассказе и подтверждении ассистента после просмотра записи. Пациент, по их словам, описал детали операционной, включая монитор с записками. Личность пациента и медицинскую карту восстановить не

удалось; точность последовательности оставалась ограниченной. Монитор в этом случае относится к земной операционной. Его нельзя включать в перечень техники предполагаемого загробного мира. [12]

Такие сообщения сохраняют значение как случаи, требующие объяснения в пределах доступной документации. Но сила свидетельства и количество повторений истории не совпадают. Повторные пересказы не восстанавливают утраченную медицинскую документацию. Подтверждение после ознакомления с рассказом отличается от независимо сохранённого описания. Эти обстоятельства определяют, насколько узким может стать круг объяснений, а не то, насколько рассказчик заслуживает уважения.

Для специально подготовленного теста необходим и реальный шанс получить проверяемый ответ. В больничном проекте Holden и Joesten со скрытыми карточками за период исследования не было получено ни одного пригодного тестового интервью. Отдельный сообщённый опыт произошёл вне оснащённой комнаты. Такой итог показывает трудности организации, но не представляет серию неудачных попыток прочитать карточку. [13]

В конце этой фазы остаются два самостоятельных результата. Первый касается того, как человек переживает собственное положение и телесность. Второй — того, какие сведения об окружающей обстановке удаётся проверить. Их соединение возможно только по данным конкретного случая. Дальнейший рассказ может сменить обстановку целиком: вместо комнаты с людьми и приборами возникнут переход, свет или встречающий. Тогда проверка переместится от узнаваемых земных событий к устройству самого повествования о другой среде.

Глава 5

Переход и встреча

Движение без привычного пространства

После изменения отношения к телу рассказ может продолжиться движением. Слово «переход» удобно, пока оно не заставляет воображать обязательную дорогу, по которой должен пройти каждый. У перехода есть направление, но иногда нет видимого пути. Есть ощущение приближения, но отсутствует расстояние. Сцена может смениться сразу, а впечатление перемещения появиться лишь в попытке связать два запомнившихся состояния.

Женщина, опубликовавшая историю под именем Mrs. Grace, описывает светящуюся изогнутую трубу, лёгкость и приятный звук, который воспринимался без участия ушей. Она продолжает думать и намеренно двигаться вперёд. Встреченных существ и голосов в этой истории нет. Рассказ относится к переживанию после операции; надёжно установленной остановки сердца публикация не предъявляет. [14]

Такое описание позволяет отделить переживание движения от встречи. Сопровождающий здесь не нужен самому сюжету: направление уже задано. Если дорисовать встречающего на том основании, что он встречается в других историях, изменится исходное свидетельство. Восстанавливаемая карта должна допускать путь без проводника и встречу без предварительного пути.

Рисунок 7. Переход без проводника. Художественная реконструкция светящегося изогнутого прохода из рассказа Mrs. Grace. В этом описании сохраняются намеренное движение и ощущение лёгкости. [14]

Не менее существенно различие между направлением движения и способом его осуществления. В обычной прогулке тело продвигается относительно устойчивого окружения. В необычном переживании человек может ощущать движение, хотя стены не приближаются и не удаляются. Возможна и противоположная формулировка: всё вокруг меняется, а сам наблюдатель остаётся на месте. Общий смысл перехода сохраняется, однако предполагаемая геометрия пространства оказывается разной.

Поэтому туннель следует описывать как конкретную форму переживания, а переход — как более широкое отношение между состояниями. Это различие пригодится позднее, когда в одной схеме встретятся коридор, река, мгновенная смена сцены и исчезновение прежнего окружения. Они могут выполнять похожую повествовательную функцию, не становясь одним и тем же объектом.

Другой становится различимым

В рассказе Питера N рядом оказывается невидимое присутствие. Его ответ воспринимается одновременно снаружи и внутри. Переход сопровождается темнотой, движением и нарастающим ритмическим звуком, который Питер сравнивает с вертолётным. Позднее возникают различимые световые индивидуальности, а сообщение передаётся как мысль вместе с чувством. Необычные цвета и звёздоподобные существа составляют окружение, в котором он узнаёт источник сообщения, хотя переживает его внутри себя. Питер подчёркивает, что перечисление эпизодов один за другим плохо передаёт пережитое. Ощущение единства, по его словам, не уничтожало отдельную личность. Это поздняя запись опыта после автомобильной аварии. [15]

Здесь собеседник различается не по лицу, одежде или месту в комнате. Основным признаком становится происхождение сообщения: оно переживается как исходящее от другого. Для самого человека это может быть столь же определённо, как голос знакомого в телефонной трубке. Для внешнего исследователя остаются два отдельных вопроса: как возникла уверенность в чужом авторстве и какая информация была получена.

Слово «телепатия» часто служит кратким названием такого общения. Но в описании опыта оно объединяет несколько возможностей. Одна похожа на внутреннюю речь, другая — на непосредственное понимание смысла, третья включает чувства собеседника. Прежде чем обсуждать механизм, требуется восстановить форму: были ли слова, язык, интонация, образы, возможность переспросить. Если эти различия потерять, разговор обычными фразами и внезапное безмолвное понимание окажутся одним признаком.

Шэрон T вспоминает после утопления сцену собственной спальни и две белые фигуры. Одна кажется ей Иисусом, но лица она подробно не рассматривает. Фигуры молчат;

ощущаются любовь и поддержка. Она не сообщает о переданном наставлении. Свет в окне постепенно усиливается, словно на рассвете. Открытие глаз лежащей в постели фигуры Шэрон связывает со своим пробуждением у бассейна. Внешнее место события отличается от пространства переживаемой сцены. [16]

Рисунок 8. Молчаливое сопровождение. Две светлые фигуры и усиливающийся свет в спальне по рассказу Шэрон Т. Обстановка передана условно; внешнее событие она связывает с утоплением у бассейна. [16]

Молчаливое сопровождение тоже является социальной встречей. Человек может чувствовать принятие без слов и воспринимать присутствующих как помощников по их роли. Однако роль ещё не устанавливает биографию. «Мне помогали», «это был знакомый» и «это был определённый умерший» содержат разные утверждения, каждое из которых нуждается в собственной проверке. Внимательное чтение сохраняет эту разницу даже там, где рассказчик сам объединяет их одним словом.

Узнавание и имена

Узнать лицо и пережить знакомость — разные события. В первом случае можно назвать особенности внешности, сравнить фотографию, описать перемены. Во втором человек может быть уверен в близости, не располагая ни именем, ни земной историей отношений. Такое узнавание особенно важно для ощущения возвращения домой: место становится своим благодаря отношению к нему, даже если его невозможно описать как ранее виденный адрес.

Следует также различать узнавание во время переживания и название, данное позднее. Вэл С описывает необычную фигуру, условно сравнивая её с инопланетянином. Она допускает влияние прочитанной ранее книги на внешний вид персонажа. В самой сцене Вэл интересуется собеседником больше, чем предложенным показом жизни, и просит разрешения посмотреть ему в глаза. Земные друзья и школьный спектакль остаются доступными её памяти и влияют на желание вернуться. Объяснение, согласно которому каждому показывают образы в соответствии с ожиданиями, она связывает уже с последующим чтением других историй. [17]

Такой источник особенно полезен, потому что содержит собственную попытку разделить событие и его объяснение. Предположение о персональном облике может быть разумным, но оно не становится частью исходной сцены лишь потому, что хорошо её объясняет. Для сравнения рассказов нужно сохранить оба слоя: каким существо показалось тогда и что о нём стали думать впоследствии.

Это относится и к слову «Бог». Оно может обозначать персонажа, невидимый источник указаний, вселенское единство или значение, которое человек придаёт пережитому. Эти употребления нельзя без остатка свести к одному образу. Утверждение о встрече с Богом становится понятнее, если выяснить, что именно сделало эту встречу божественной в

глазах рассказчика: произнесённое имя, знание намерений, чувство безусловного принятия или абсолютная уверенность.

Лиза R рассказывает о тёмном помещении со светом за его границами, группе невысоких существ в цветной одежде и главном собеседнике, который несколько раз прерывает общение, словно советуется с кем-то. Строгие лица сочетаются для неё с добрыми глазами. Другой участник называет невидимого собеседника Богом. Сама Лиза его не видит. По её описанию, существа понимают её мысли, но допускают её к собственным мыслям лишь частично. Любопытство сменяется испугом, когда она вспоминает аварию. Она хочет остаться, однако возвращение оказывается обязательным. [18]

В этом рассказе принадлежность к иерархии устанавливается через сообщения персонажей и наблюдение их поведения. Переживание не предоставляет одинакового доступа ко всем участникам. Это уже содержательное ограничение гипотезы о всеобщей прозрачности сознаний: сама возможность прямого общения ещё не означает, что любой знает всё обо всех.

Встреча без гарантированного утешения

Проводник интересен не только обликом. У него может быть право направлять, разрешать, отказывать, ждать ответа или принимать решение за другого. Поэтому эмоциональное впечатление и распределение власти следует рассматривать отдельно. Доброжелательный собеседник может оставлять мало свободы. Строгая фигура может восприниматься как надёжная. Чувство любви не отвечает само по себе на вопрос, можно ли отказаться от предложенного пути.

Именно здесь индивидуальное «Я» проявляется особенно отчётливо. Вопрос, возражение, попытка отложить решение или скрыть мысль требуют различения собственных желаний и намерений другого. Если человек описывает такую сцену, его самость не растворена полностью, даже когда вокруг

ощущаются единство и общая связь. Важно выяснить, относятся ли единство и сопротивление к одному моменту или к разным участкам воспоминания.

Тина W в позднем рассказе о детской электротравме описывает спокойное наблюдение собственного тела и белый свет, но отрицает туннель, существ, обзор жизни, всезнание и изменение времени. Её история заканчивается возвращением телесных ощущений. Отдельного мира, в котором происходила бы встреча, она не сообщает. [19]

Сэмми E, описывая домашний кризис, также прямо отрицает присутствие других существ и голосов. В необычном состоянии он вспоминает собственную жизнь и обдумывает возвращение. Обычного зрения и слуха нет, а тело ощущается отдалённо, подобно воспоминанию. Несколько направлений мысли переживаются одновременно, но остаются его собственными. Основное содержание составляют размышления; свет, туннель и всезнание отсутствуют. Медицинская продолжительность опасного состояния независимо не установлена. [20]

Эти рассказы сохраняют место для важной ветви: переживание может быть насыщено самосознанием и почти не содержать внешнего мира. Отсутствие проводника здесь не выглядит пропущенным персонажем, которого требуется восстановить. Оно меняет характер события. Человек остаётся один со своим пониманием положения, а решение не оформляется как беседа.

Встреча, таким образом, представляет собой возможное расширение переживания за пределы собственного «Я». Иногда другой только присутствует, иногда узнаётся, иногда объясняет правила. В следующих сценах появляется более сложная организация: пространство для общения, доступ к прошлому, занятия и ограничения. Именно там одиночная встреча превращается в представление о целом мире.

Глава 6

Обзор жизни и мир вокруг

Прошлое становится доступным

Обычное воспоминание выделяет часть прошлого. Оно оставляет за пределами внимания другие события и чужие переживания. Поэтому рассказ о полном обзоре жизни поражает прежде всего предполагаемой полнотой доступа. Человек сообщает, что может одновременно видеть собственный поступок, понимать его мотив и чувствовать последствия для другого. Если принять такое описание как точное изложение субъективного состояния, меняется сама позиция наблюдателя: он оказывается и участником события, и его свидетелем с нескольких сторон.

Кэтрин L описывает павильон и экран, расположенный словно на столе. Во время обзора она могла останавливать показ, приближать эпизоды и рассматривать разные перспективы, включая людей, которых затронули её действия. Беседа с существами касалась также упущенных возможностей действовать. Она связывает переживание с осложнениями операции, но не знает, была ли у неё остановка сердца. [21]

В этом описании экран даёт доступ к событиям, а нравственное значение возникает при изменении точки зрения. Эти функции можно разделить. Даже если убрать зрительный прибор, сохранится идея совместного восприятия поступка и его последствий. Если же убрать чужую перспективу, останется последовательность сцен, похожая на просмотр собственной биографии. Два варианта обзора могут иметь совершенно разное значение для рассказчика.

Рисунок 9. Обзор жизни и смена перспективы. Художественная реконструкция по рассказу Кэтрин L: экран расположен словно на столе. Эпизод на экране и детали павильона изображены условно. [21]

Нельзя также заранее считать обзор судом. Для суда важны обвинение, правило, полномочный оценивающий и решение. Для самооценки достаточно изменения понимания. В разговоре могут присутствовать оба процесса: человек сам испытывает сожаление и одновременно слышит оценку другого. Исследование должно показать эту конфигурацию, не подменяя её знакомым религиозным или психологическим термином.

Оделл Н вспоминает большой экран с несколькими сценами, одна из которых увеличивалась для обсуждения. Остальные оставались по краям. Собеседника он называет Иисусом. В рассказе присутствуют страх осуждения, замечания по поводу поступков и совместный смех. Попытка приукрасить мотив проступка, по словам Оделла, сразу обнаруживалась; обсуждались также хорошие действия. Туннель появляется после просмотра. На странице опубликованы две версии

одной истории о почти утоплении; это один свидетель, а не два подтверждения порядка событий. [22]

Такой порядок полезен именно своей конкретностью. Если поместить любой туннель в начало универсального маршрута, исходная последовательность исчезнет. Сравнение по смыслу должно оставлять возможность, что сходные элементы соединены иначе. Пока порядок не устойчив, карта представляет собой сеть возможных переходов между сценами.

Экран как предмет и как сравнение

Образ экрана требует особенно внимательного чтения. Слова «жизнь прошла как фильм» могут обозначать быстрое возникновение воспоминаний. Упоминание поверхности, рамки, положения относительно человека и способа управления делает описание более предметным. Ещё один случай — современное сравнение, выбранное спустя годы для передачи необычного опыта. Эти варианты отличаются даже тогда, когда рассказчик использует одно слово.

Риэтте W описывает белую комнату, мужчину в белой одежде и несколько плоских сенсорных экранов. На одном показаны варианты жизней, другой даёт дополнительную информацию. Она считает, что должна выбрать, хотя ни один вариант ей не нравится. В итоге предпочтение получает семья, к которой она испытывает сочувствие. После решения следует проход через дверь, а продолжение не вспоминается. Воспоминаемый эпизод она относит примерно к четырёхлетнему возрасту; его истолкование как предрождения содержится во взрослой публикации. Белая одежда не названа медицинским халатом. [23]

Здесь появляется точное предметное сходство с некоторыми рассказами об обзоре: информацию можно просматривать через отдельную поверхность. Но содержание направлено в противоположную сторону времени. В одном

случае показывается прошлое, в другом — возможное будущее. Общим оказывается способ представления выбора или знания, а его предполагаемое назначение различается.

Шелли Р тоже описывает комнату и несколько экранов, но подробно выделяет одновременность показа трёх жизней. Один вариант исчезает после жеста отказа, другой продолжает воспроизводиться. Сопровождающий убеждает её принять жизнь, к которой она сначала не стремится. Позднее на той же странице появляется амфитеатр с множеством душ, однако это уже отдельное взрослое видение. Соединение комнаты выбора и амфитеатра в одну непрерывную сцену исказило бы источник. [24]

Это различие важно для пространственной карты. Две обстановки, описанные одним человеком, не обязательно соседствуют и даже не обязательно относятся к одному классу состояний. Чтобы считать их частями единого места, нужна указанная самим рассказчиком связь. Богатство общего текста может создавать впечатление подробной географии, тогда как исходный материал состоит из раздельных эпизодов.

Сходство становится содержательнее, если совпадает несколько признаков: положение экрана, способ выбора изображения, возможность остановки, отдельный сопровождающий. Однако даже такая комбинация не определяет происхождение опыта. Она задаёт сравнительный вопрос. Для ответа пришлось бы учитывать время появления записи, доступные человеку культурные образы и обстоятельства воспоминания. Само удобство устройства для объяснения сложной информации ещё не подтверждает существование общей внешней техники.

У человеческих артефактов есть важное свойство: они сразу подсказывают способ действия. Дверь допускает проход, книга предлагает чтение, очередь предполагает ожидание доступа. В интерпретации рассказа эта подсказка может быть слишком сильной. Увидев подобие устройства, исследователь

рискует приписать ему функцию, о которой свидетель вообще не говорил.

Комнаты и книги в описании среды

Джордж C сообщает о длинном белом коридоре и комнатах справа. Его сопровождает высокое светлое существо. В комнатах присутствуют другие существа и звёздная темнота, контрастирующая с коридором. Когда он спрашивает, пойдут ли другие вместе с ним, сопровождающий отвечает, что они ещё не готовы. Джордж чувствует себя маленьким, а отношение спутника сравнивает с отцовским. Конца пути и рождения он не помнит. Никакого лечения в комнатах не описывает. [25]

Такое пространство легко назвать больницей, учебным заведением или распределительным центром. Но каждое название добавит сведения. Для больницы нужны признаки лечения, для школы — обучения, для распределения — назначения места. Коридор и ожидание сами по себе не выбирают между этими версиями. Иногда самая точная формулировка остаётся описательной: помещение, в котором находятся другие, пока сопровождаемый идёт дальше.

Брайан D рассказывает о партах, книгах и картотеках, сопровождающих обучение. Его проводник выглядит почти безликим золотым существом, общается мысленно и сохраняет связь, даже когда перестаёт быть видимым. В нём чувствуется знакомость, хотя узнаваемого лица нет; общение допускает юмор. Брайан переживает себя более широким существом, для которого земная личность представляет одну из форм. Он задаёт вопросы и направляет внимание, а в конце появляются другие световые помощники. Это самоотчёт с неподтверждёнными медицинскими и временными оценками. [26]

В подобной сцене знание получает привычную организацию. Парта отделяет место ученика, книга хранит

содержание, картотека обещает поиск. Вместе они создают впечатление работы с информацией. Для понимания субъективного мира важно выяснить, требовалось ли действительно читать, искать и запоминать или значение становилось доступным сразу. В первом случае сохраняется последовательная деятельность. Во втором окружающие предметы скорее оформляют доступ, механизм которого не описан.

Отсюда возникает вопрос о причинности внутри сцены. Если человек получает ответ, потому что открыл книгу, предмет участвует в действии. Если он уже знает ответ, а книгу замечает одновременно, связь слабее. Если же книгу добавляет позднее как пояснение, речь идёт о языке воспоминания. Все три варианта могут быть искренними, но они дают разные сведения об устройстве переживаемого мира.

Белые халаты и земные профессии

Один из наиболее буквальных рассказов о людях в белых халатах опубликован Стивеном I. Он прямо называет событие сном взрослого человека и сообщает, что много лет работал медбратом. Во сне присутствуют каталка, фигуры, принимаемые за врачей, фотографии и экранные изображения, связанные с предполагаемой прошлой личностью. Независимого подтверждения этой личности публикация не содержит. [27]

Этот пример показывает, почему предметное сходство следует сохранять вместе с контекстом. Халаты действительно присутствуют. Но их обнаружение во сне не создаёт ещё одного медицински установленного околосмертного случая. Профессиональная знакомость с больничной средой тоже входит в описание источника, хотя сама по себе не объясняет каждую деталь сна.

Рисунок 10. Белая одежда и медицинские халаты. Слева — заявленное предродовое воспоминание Риэтте W с белой одеждой; справа — медицинские образы во взрослом сне Стивена I. Диптих реконструирует два разных сообщения. [23] [27]

Возможны разные отношения между опытом и привычным образом. Человек может воспринимать знакомые вещи как реальные объекты другого мира. Он может понимать их как специально подобранное представление. Наконец, образ может стать понятным только при последующем пересказе. Чтобы выбирать между этими возможностями, необходимо знать, что именно утверждает свидетель. За него нельзя решить, была ли увиденная комната буквальным помещением или формой сообщения.

Мир, который зависит от внимания

Кэтрин L добавляет, что форма строений становилась определённее, когда она обращала на них внимание; сходным образом могла появляться человеческая форма её собственного присутствия. В её изложении степень предметности зависела от сосредоточения. Позднее она

оставалась в садах, но не могла идти глубже в город. Одного собеседника решила называть Иисусом, хотя затем описывала его скорее как представителя божественного намерения. Само общение придавало ей силы; содержание полученного знания после возвращения оказалось недоступным. [21]

Такой мир трудно картографировать привычным способом. Карта предполагает, что объект сохраняется, пока наблюдатель смотрит в другую сторону. Если сам рассказ связывает форму с вниманием, возникает иной вопрос: что именно остаётся устойчивым при её изменении? Возможно, место, функция, связь с другим существом или только чувство узнавания. От ответа зависит, что можно считать повторяющейся единицей.

Рисунок 11. Предметность и внимание. Условная визуализация сообщения Кэтрин L о том, что формы становились определённее при сосредоточении. Изменение детализации передаёт описанное переживание. [21]

Кэми R сообщает о присутствиях без ясных видимых фигур, ощущении общего целого и совместном решении о продолжении жизни в прежнем теле. Она прямо не приписывает всему опыту определённого порядка и места. Её

рассказ включает несколько госпитальных и последующих состояний, которые нельзя объединять в одну медицинскую минуту. [28]

Совместное рассмотрение предметных и почти беспредметных историй показывает диапазон возможного описания. На одном краю находятся здания, поверхности и занятия. На другом — отношения, значения и решения, которым не требуется подробно изображённая обстановка. Общая функция ещё может сохраняться, но привычная география становится менее определённой.

Дальнейшее сравнение должно удерживать эту разницу. Переживание организованного мира не всегда означает описание неизменной среды. Для рассказчика устойчивыми могут быть прежде всего связи с другими, чувство принадлежности и понимание происходящего. Именно эти свойства становятся особенно заметными, когда движение прекращается и наступает пребывание.

Глава 7

Пребывание, отдых и восстановление

После прибытия

Слово «пребывание» обозначает важную перемену в рассказе. Переход завершён, первоначальное положение понято, а следующее событие ещё не наступило. Между этими точками появляется возможность жить внутри переживаемого пространства: разговаривать, наблюдать, выбирать занятие или просто оставаться в покое. Именно здесь возникает вопрос, существует ли в рассказах промежуток, который нельзя свести к подготовке нового рождения.

Морин К описывает после первоначальной встречи отдельную группу помощников, занятых её восстановлением. Она вспоминает мягкие тёплые одеяла, музыку без видимого источника и понимание потребностей без вопросов. Помощники работают молча. Сначала она спрашивает, действительно ли умерла и реально ли происходящее; страх сменяется успокоением. Других прибывших рядом Морин не ощущает. Она прямо говорит, что не имела ориентира для определения прошедшего времени. Затем появляются другие сопровождающие. История опубликована как самоотчёт об опасном состоянии, без приложенной медицинской документации. [29]

В этом случае восстановление выделено самим содержанием сцены. Оно отличается от мгновенного облегчения: есть переживание состояния, требующего заботы, есть помощь и её завершение. Даже если календарной длительности нет, последовательность остаётся. Сначала помощь необходима, затем положение меняется. Такой переход можно описать, не вычисляя, сколько земных минут ему соответствует.

Рисунок 12. Забота после прибытия. Мягкие одеяла и молчаливая помощь по рассказу Морин К. Художественная реконструкция передаёт восстановление и успокоение; длительность в источнике не определена. [29]

Облегчение, отдых и восстановление не полностью совпадают. Облегчение означает, что тягостное ощущение уменьшилось. Отдых предполагает отсутствие необходимости действовать. Восстановление подразумевает возвращение какой-то способности или состояния. Рассказ может содержать всё это, но может ограничиться одним признаком. Ощущение тепла ещё не сообщает о лечении, а отсутствие усталости не доказывает, что перед ним был период отдыха.

Возможность остаться

Джеймс в архиве OBERF излагает предполагаемую предыдущую смерть, белую область восстановления и последующее обучение. В роще ему предлагают вернуться на Землю к учителю либо остаться с наставником; он выбирает остаться. В памяти сохраняются длительные беседы, скамья с видом на долину и учитель с белой бородой. Джеймсу кажется,

что место устроено именно для него; наставник подтверждает это с оговоркой. Готовность родиться возникает постепенно. Ей предшествуют сопротивление, затем прощание с близкой душой и встреча будущего брата. Джеймс подчёркивает, что не способен измерить длительность восстановления: выражение «минуты или годы» передаёт неопределённость. Упоминание Бога он поясняет через существование и Вселенную. Это взрослая публикация с заявленной памятью с детства, без установленной прежней биографии и раннего документа. [30]

Внутри такого рассказа промежуток имеет собственное содержание. Он включает отношения и интерес, которые нельзя описать как мгновенную сортировку прибывшего. При этом выбор остаться в конкретной ситуации ещё не определяет право оставаться бесконечно. Текст показывает одно решение и последующую перемену намерения. Превращение этого эпизода в универсальное правило свободы добавило бы сведения, которых сам рассказ не предоставляет.

Рисунок 13. Возможность остаться. Скамья с видом на долину и беседа с наставником по рассказу Джеймса. Художественная реконструкция передаёт отдельный эпизод пребывания, длительность которого неизвестна. [30]

Для сравнения особенно полезно различать возможность и предпочтение. Человек может желать остаться и считать это невозможным. Может иметь возможность остаться, но хотеть продолжения. Может менять желание по мере общения. Тогда причина перехода заключена в изменении состояния личности, а не в истечении установленного срока. Эти варианты создают разные модели возвращения, хотя на уровне короткого пересказа все они звучат как «его отправили обратно».

У промежутка есть ещё одно свойство: он может цениться сам по себе. Если в нём интересны разговоры, отношения или исследование среды, его смысл не исчерпывается будущей жизнью. Это необходимо учитывать при обсуждении гипотезы обучения. Учиться можно ради подготовки к задаче, ради понимания или ради самого участия в общении. Чтобы

выбрать конкретный смысл, нужно знать содержание сообщения, а не только наличие наставника.

Покой, который хочется сохранить

Анджела Е описывает после предполагаемой прежней смерти усталость, утешение со стороны знакомых существ и желание отстраниться от общения. Сохраняются обиды на прежнюю семью и интерес к её судьбе, но сопровождающие не разрешают продолжать наблюдение, чтобы не причинять боль. Ей разрешают дополнительный отдых. Позднее она отказывается выбирать родителей, и выбор, по её словам, делают за неё. Сенсорная обстановка этого промежутка почти не описана. В центре стоят безопасность, отсрочка и изменение степени участия в решении. Ранней независимой записи предполагаемого детского воспоминания нет. [31]

Этот пример позволяет увидеть, что отсутствие подробного пейзажа не делает рассказ психологически пустым. Внутреннее состояние может быть описано лучше, чем пространство. Известно, чего человек избегает, чего просит, когда начинает взаимодействовать. Для карты пребывания это иногда полезнее количества дверей и комнат. Восстановление личности может изображаться через возвращение готовности вступать в отношения.

Однако забота и управление здесь не исключают друг друга. Помощник может уважать просьбу об отсрочке и позднее принять решение за подопечного. Для человека это может выглядеть разумным, вынужденным или несправедливым. Чтобы понять роль сопровождающих, нужно восстановить отношение рассказчика к их действиям. Одно слово «любящие» не описывает весь порядок взаимодействия.

Дженнифер В вспоминает тёмное, но безопасное и родное состояние, которое кажется ей очень длительным. Уходить не хочется. В свободном рассказе присутствует возможность остаться, тогда как в ответах анкеты говорится о

необходимости уйти. Любимое присутствие связано с этим решением. Звуки и запахи не описаны, а ощущение срочности появляется около момента ухода. [32]

Такое расхождение лучше сохранить. Возможное объяснение — изменение желания, разные значения слова «можно», неточность вопроса или поздняя организация воспоминания. Выбор одного объяснения требует дополнительного основания. Пока его нет, источник показывает напряжение между пережитой свободой и пережитой необходимостью. Это напряжение представляет самостоятельный элемент, который исчезнет при слишком гладкой редактуре.

Занятия и отношения

Диана G описывает светлый пейзаж, кристаллические здания и библиотеку. Отдельного солнца нет, свет словно исходит от окружения. Встреченные существа, по её впечатлению, занимаются искусством и созданием. Знакомое присутствие показывает ей окружение и обсуждает возвращение. Диана сначала сопротивляется, затем соглашается. Рассказ связан с почти утоплением; сама она не утверждает, что её клиническая смерть была установлена. [33]

Такая сцена важна вопросом о деятельности. Если другая жизнь описывается только как отсутствие земной боли, трудно понять, что заполняет её положительное содержание. Создание, общение, исследование и помощь вводят цели, которые не сводятся к прекращению страдания. Они также предполагают различия между участниками: кто-то умеет, кто-то учится, кто-то хочет увидеть результат.

Рисунок 14. Занятия и творчество. Две раздельные сцены по мотивам рассказа Дианы G: слева библиотека, справа творческая деятельность. Архитектура и конкретные занятия изображены условно. [33]

Отсюда возникает внутренний вопрос к самой модели мира. Если всё знание доступно сразу, в каком смысле требуется обучение? Если любое желание немедленно исполняется, что означает длительная работа? Эти вопросы не опровергают рассказ. Они помогают выяснить, относится ли заявленная полнота знания к определённой теме, краткому состоянию или общей поздней интерпретации.

Можно представить несколько логически разных вариантов. Доступно знание о результате, но ещё не пережит сам процесс. Понятна идея, но требуется освоить способ действия. Известны чувства других, но сохраняется свобода вступать с ними в отношения. Это возможные различения для анализа, а не сведения о существующем посмертном устройстве. Конкретный рассказ должен дать основание выбрать один из них.

Общение также требует некоторой изменчивости. Беседа, в которой нельзя узнать ничего нового и нельзя изменить

отношение, мало похожа на обучение в обычном смысле. Поэтому важно уточнять, удивляется ли человек, задаёт ли вопросы, понимает ли сначала не всё. Именно такие детали показывают внутреннюю динамику пребывания, даже если сам рассказчик говорит об отсутствии времени.

Пребывание без предметов

Кэри Т во взрослой записи вспоминает детский сон о пустоте, где отсутствовали обычные объекты, тело, мысли и эмоции. Затем возникло любопытство, после чего последовала сцена раннего младенчества с кошкой и болью от царапины. Само воспоминание оформлено как сон четырёхлетнего ребёнка, завершившийся пробуждением. Связь пустоты с предсуществованием он развивает в последующем объяснении. Родовой переход и сопровождающие в этом фрагменте не описаны. [34]

Этот рассказ находится далеко от образа населённого места отдыха. Но он тоже ставит вопрос о пребывании: возможно ли описать состояние без занятий и всё же считать его своим прошлым? Здесь особенно важно не смешивать исходное отсутствие мысли с позднее возникшим любопытством. Между ними уже намечается граница, за которой появляется направленность к чему-то другому.

Сопоставление таких вариантов позволяет различать насыщенность содержания и сохранение самости. Для одного рассказчика «я» поддерживается воспоминанием о близких, для другого — способностью выбирать, для третьего — простым ощущением присутствия. Если определение личности заранее требует богатой биографии, последний вариант выпадет из рассмотрения. Если же считать личностью любое переживание присутствия, связь с конкретной земной жизнью останется неясной.

Таким образом, пребывание описывается по нескольким независимым направлениям: приятность состояния, доступность занятий, отношения с другими, степень свободы и готовность к перемене. Ни одно из них не заменяет остальные. Можно быть в безопасности и не хотеть общения; можно испытывать радость и одновременно подчиняться решению; можно спокойно оставаться без насыщенной внешней сцены.

Вопрос о новой жизни появляется тогда, когда сохранять нынешнее состояние уже недостаточно или когда другой участник сообщает о необходимости перехода. Следующая глава посвящена именно этой границе. На ней особенно заметна разница между предложением, согласием, уступкой, назначением и тем, что рассказчик позднее назовёт собственным выбором.

Глава 8

Выбор возвращения

Что именно выбирают

Выбор нового рождения кажется естественным завершением рассказа о пребывании между жизнями. Однако слово «выбор» скрывает несколько разных действий. Можно согласиться на продолжение существования в теле, выбрать семью, предпочесть одни обстоятельства другим или лишь принять решение, которое уже невозможно изменить. В каждом случае сохраняется какая-то доля участия, но объём свободы оказывается разным.

Адам К вспоминает предложение двух вариантов: высокий рост и возможная спортивная карьера без близнеца либо жизнь с братом-близнецом и тесной связью с ним. Он выбирает отношения с братом. В сцене нет подробно описанного места, тела или внешности собеседника. Предшествующая смерть и собственно рождение тоже не показаны. Рассказ о попытках объяснить это матери в раннем детстве опубликован позднее. [35]

В такой истории можно уверенно выделить предмет предпочтения: отношения перевешивают другую возможность. Но возможность выбирать между двумя жизнями не означает возможность не рождаться. Право отказаться от всего предложения — отдельный признак. Если его не описали, его следует оставить неизвестным, а не автоматически считать присутствующим или отсутствующим.

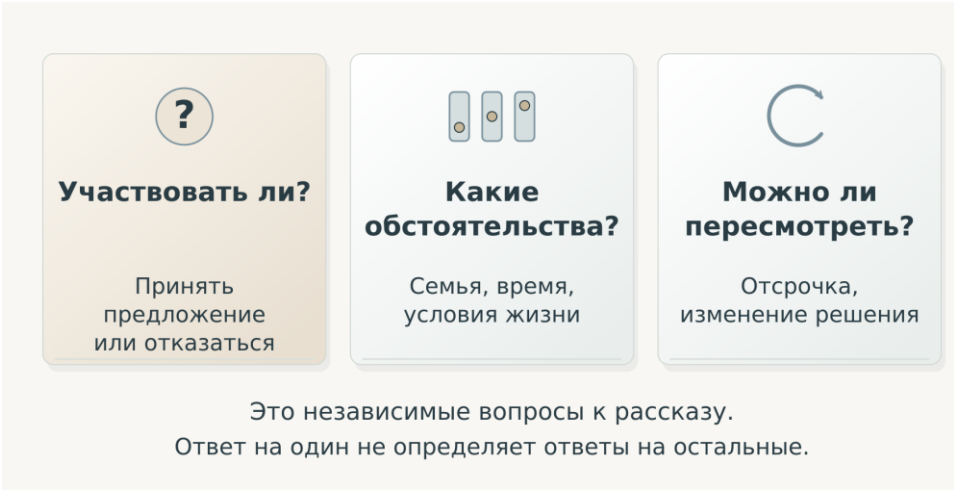

Рисунок 15. Что именно означает выбор. Аналитическая схема различает участие в решении, выбор обстоятельств и возможность пересмотра. Свобода выбрать один параметр ещё не определяет объём остальных свобод.

Мишель N во взрослой записи описывает сны и вспышки воспоминаний, которые, по её словам, сопровождали её с детства и относились ко времени до рождения. Она рассказывает о спокойном тёмном пространстве, другой маленькой девочке и невидимом собеседнике, который спрашивает о желаниях на следующую жизнь. Первоначальное желание богатства и популярности сменяется выбором жизненных уроков. Затем обе оказываются в подобии древней лодки без воды; белый свет завершает воспоминание. Сцены рождения и предыдущей смерти нет. [36]

Здесь мотив обучения присутствует внутри вспоминаемого разговора. При этом по одному такому выбору нельзя установить цель всех воплощений. Возможно лишь сравнить, что считается желательным: положение в обществе, отношения, опыт, помощь или приобретение определённого качества. Даже если внешняя организация сцен различается, предметы предпочтения дают материал для содержательного сопоставления.

Согласие может изменяться

Кристиан Сандберг описывает длительную отсрочку после болезненной жизни, неоднократные вопросы проводника о готовности и последующее согласие. В другом эпизоде он вспоминает тренировку принятия ограничений, приблизительно называя её симулятором. Проводник сначала заверяет, что спешки нет, но перед конкретным входом возникает срочность с учётом земного времени. Существа, которых Сандберг условно называет техниками, участвуют в подготовке забывания и спрашивают окончательное согласие. Их медицинские халаты не описаны. Столбчатую диаграмму внутреннего состояния он тоже предлагает как грубое сравнение, а не буквально наблюдённый прибор. Воспоминания, по его словам, возвращались во взрослом возрасте при медитации. [37]

На первый взгляд свобода от времени и требование поторопиться противоречат друг другу. Но рассказ может относить их к разным решениям. Неопределённо долго можно выбирать участие, тогда как выбранная возможность имеет ограниченное окно. Это логически совместимые положения. Вопрос проверки начинается дальше: что позволяет установить существование такого окна и привязать его к земному событию?

Подобное различие помогает понимать согласие как процесс. Первоначальное любопытство ещё не является окончательным решением. Испуг может привести к отсрочке. Знакомство с предполагаемыми ограничениями может изменить намерение. Поэтому значимы не только последняя реплика и состоявшееся рождение, но и путь, по которому человек пришёл к согласию.

У согласия есть условия. Достаточно ли ясно человек понимал последствия? Мог ли остановить подготовку? Были ли предложены альтернативы? Эти вопросы не требуют переноса земного права на предполагаемый иной мир. Они

позволяют уточнить смысл слова «добровольно» в самих свидетельствах. Без уточнения добровольным легко назвать любое событие, которому предшествовало хотя бы одно положительное чувство.

Обязанность и пределы отказа

В другом предродовом рассказе Дженнифер описывает любящих проводников и убеждённость, что должна возвращаться, пока не выполнит задачу. Она просит сохранить память, чтобы лучше справиться. Затем появляется отдельная сила, которой она приписывает стирание воспоминаний, и начинается сопротивление. Слова о «последнем разе» сама Дженнифер считает неоднозначными: это мог быть последний шанс или что-то другое. Она не сообщает о встрече с Богом. [38]

Здесь поддержка и принуждение относятся к разным участникам. Из этого нельзя сразу вывести ни согласованную систему управления, ни конфликт независимых властей. Для такого вывода требовалось бы описанное взаимодействие между ними. Пока рассказ даёт прежде всего различие переживаемых ролей: одни помогают, другой препятствует, ещё кто-то разрешает пройти.

Существеннее другое. Представление об обязательной задаче может сочетаться с неопределённостью её содержания. Тогда человек переживает ответственность, но не располагает ясным условием завершения. Для гипотезы обучения это трудный вопрос: по какому признаку определяется успех, если память о задании ограничивается? Рассказ может предлагать нравственный ответ, однако сам механизм проверки результата требует отдельного описания.

Алекс Р вспоминает болезненную предыдущую смерть и невозможность выбрать следующие обстоятельства из-за страха повторения. Время выбора, по его ощущению, заканчивается, и он попадает в тело без окончательного

предпочтения. Конкретных прошлых биографий он не помнит, будущего не знает и цель нынешней жизни назвать не может. Семейные сведения о его родах приведены уже как последующее сопоставление. [39]

Эта история меняет эмоциональный центр предполагаемого выбора. Вместо спокойного сравнения возможностей появляется решение под давлением. Нельзя заранее объяснить тревогу недостаточным развитием души, особым уроком или ошибочным восприятием: таких сведений источник не устанавливает. Страх является частью рассказа и должен оставаться видимым наряду с более утешительными версиями.

Возврат в прежнюю жизнь

Отдельную ветвь образуют решения вернуться в то же тело. У них другой предмет. Человек не выбирает неизвестную семью или биографию, а соотносит собственное желание с уже существующими отношениями. Сам факт возвращения к сознанию не позволяет определить, вызвало ли решение физиологическое восстановление или решение стало частью переживания этого восстановления.

Урсула К в позднем рассказе о детском опасном состоянии описывает наблюдение больницы и сочувствие матери. Она решает вернуться, обдумав последствия своего ухода для неё. Туннель, иной мир, умерших и обзор жизни прямо отрицает. Медицинские обстоятельства и наблюдение больницы независимо не подтверждены. [40]

Мотив отношений здесь сопоставим с выбором близости в предродовых историях. Однако совпадение мотива не объединяет два события в одну физиологическую или метафизическую процедуру. Продолжение той же биографии и начало другой биографии требуют разных доказательств. Общим можно назвать лишь переживание причины остаться связанным с людьми.

Это различие важно и для слов «ещё рано». Они могут означать, что нынешняя жизнь не завершена. Из них не следует, что после её завершения обязательно будет выбрана следующая. Рассказ, заканчивающийся возвращением после реанимации, оставляет дальнейший цикл за пределами наблюдения. Заполнить его можно только другим источником, явно отметив смену источника.

Рисунок 16. Две ветви возвращения. Схема разделяет продолжение прежней биографии и предполагаемую связь с новой биографией. Каждая ветвь требует собственных свидетельств и способов проверки.

План и открытое будущее

Предполагаемый выбор обстоятельств ставит вопрос о свободе последующей жизни. Здесь возможны несколько моделей. В одной определены только начальные условия. В другой выбраны вероятные трудности, но ответы на них остаются открытыми. В третьей заранее фиксируется всё происходящее. Эти модели нельзя незаметно менять в

зависимости от удобства объяснения: они предъявляют разные требования к предсказанию и памяти.

Если речь идёт о вероятных ветвях, несовпадение с конкретным событием может быть допустимо, но тогда становится сложнее проверить предвидение. Если утверждается неизменный сценарий, ошибка предсказания приобретает большее значение. Чем свободнее гипотеза приспосабливается к любому исходу, тем меньше этот исход сообщает о её правильности.

Необходимо учитывать и момент записи. Объяснение нынешней трудности через якобы прежний выбор появляется после того, как трудность уже известна. Это может быть значимым способом осмысления жизни. Но доказательная задача предсказания требует текста, который существовал до события и содержал достаточно определённые сведения. Поздняя узнаваемость судьбы не заменяет такого текста.

Особенно осторожного обращения требует предположение, что страдание было выбрано заранее. Рассказ о собственном согласии не даёт доступа к согласию другого человека. Тем более он не устанавливает, что болезнь, насилие или бедствие были необходимы пострадавшему. Даже в гипотетической модели предварительного выбора остаётся земная ответственность за причинённый вред и возможность уменьшить страдание.

Мотив обучения также не делает каждую трудность полезной автоматически. Чтобы говорить об обучении, нужно определить, что изменилось и как это изменение сохраняется. Если результат полностью забывается, предполагается иной носитель приобретённого качества. Если сохраняется склонность или способ отношения к другим, необходимо показать, как его отличить от особенностей нынешней жизни. Это уже вопрос непрерывности личности, к которому предстоит вернуться.

Таким образом, рассказы позволяют выделить желание, предложение, ограничение, согласие и назначение как разные элементы. В одних случаях они складываются в ясное решение. В других остаётся конфликт или незавершённый выбор. Последующее рождение завершает повествование, но не устраняет его неопределённостей. Чтобы понять, что именно перешло через эту границу, следует обратиться к памяти о начале жизни.

Глава 9

Память до рождения

Где начинается нынешняя жизнь

Воспоминание о состоянии до рождения не обязательно включает другую земную биографию. Человек может описывать выбор матери, ожидание, внутриутробную тесноту или первые ощущения после родов и ничего не говорить о предшествующей смерти. Для него это начало собственного рассказа. Для исследователя оно оставляет открытым вопрос, существовала ли в предполагаемой последовательности ещё одна жизнь.

Имеет смысл различать четыре предмета воспоминания: прежнюю биографию, промежуток между биографиями, внутриутробное состояние и рождение. Они могут соединяться, но наличие одного не устанавливает остальные. Упоминание материнского голоса, например, ещё не содержит утверждения о выборе семьи. Сцена выбора семьи может завершаться задолго до какого-либо воспоминаемого телесного ощущения.

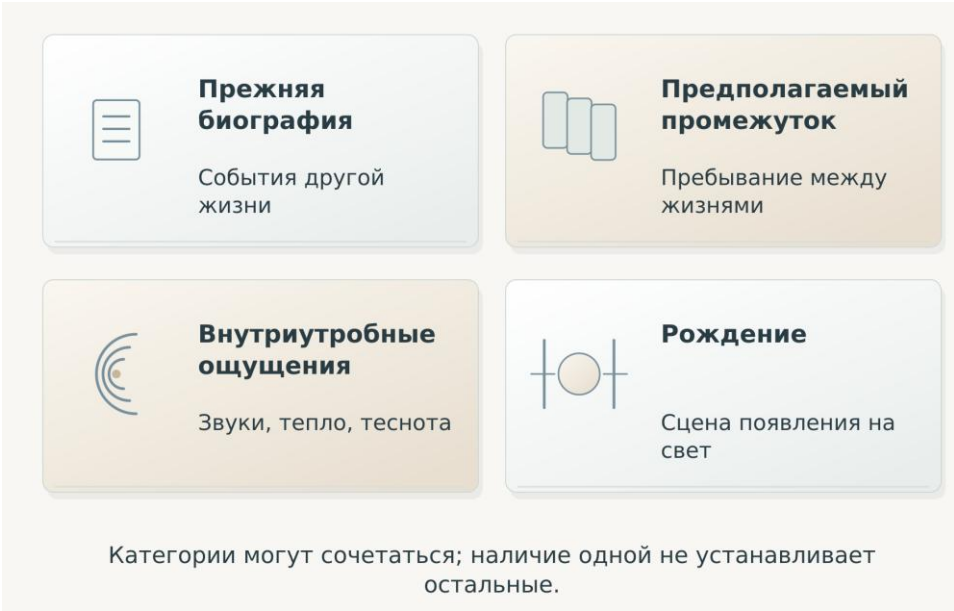

Рисунок 17. Четыре предмета воспоминаний. Прежняя биография, предполагаемый промежуток, внутриутробное состояние и рождение представлены раздельно. Эти категории могут сочетаться, но наличие одной не устанавливает остальные.

В работе Окадо и Икэгавы рассматривается 21 ребёнок, сообщавший о предполагаемом состоянии между жизнями. Для 13 проводились интервью, для восьми использовались материнские анкеты. Многие не рассказывали о прошлой жизни. Один материнский отчёт касается слов девочки, будто та видела мать в свадебном платье с собакой. Сопоставление дано через память матери, которая утверждала, что ребёнок не видел фотографию события; независимая запись слов ребёнка до сопоставления не представлена. [41]

У такой сцены есть внешняя опора — событие в биографии родителя, — но предполагаемое положение наблюдателя остаётся отдельным утверждением. Даже если платье и собака подтверждаются, необходимо выяснить, что ребёнок мог видеть на фотографии или слышать в семье. Подтверждение предметной детали и подтверждение восприятия до рождения требуют разных проверок.

Телесный мир возвращается

Мэй описывает выбор жизни при поддержке присутствия, чьё лицо не удерживается в памяти. Будущая жизнь показывается через подобие отверстия, которое она прямо не называет экраном. Белый свет воспринимается почти осязаемым и несущим чувства. Затем следуют тепло, плотность и теснота, резкий свет при рождении и голос матери. В её позднем рассказе мыслящий субъект переживает себя более мудрым, чем позволяет выразить младенческое тело, и раздражается из-за отсутствия языка. Она стремится к матери, связь с которой уже считает знакомой. Ранней записи этого воспоминания нет. [42]

Такое описание соединяет два масштаба самости. Один связан с телом и его ограничениями: трудно двигаться, нельзя говорить, ощущения непривычны. Другой представлен как уже существующая способность понимать и оценивать. Если принять рассказ на уровне его внутренней структуры, рождение становится ограничением средств выражения при предполагаемом сохранении наблюдателя.

Рисунок 18. Возвращение телесных ощущений. Тепло и теснота, резкий свет и близость матери в позднем рассказе Мэй. Художественная композиция передаёт последовательность ощущений; детали сцены условны. [42]

Но между пережитым ощущением и его взрослым названием остаётся расстояние. Слова «утроба», «выбор», «согласие», «вдох» могут быть поздними понятиями для раннего образа. Это не отменяет образ, однако меняет вопрос. Нужно выяснять, что именно человек помнит как непосредственное содержание, а что заключает из последовательности, семейных объяснений и нынешних знаний.

Особенно полезны описания непонимания. Если рассказчик утверждает, что в определённый момент не знал, где находится, нельзя одновременно приписать ему полноценное знание происходящего. Позднее узнавание сцены должно сохранять свою временную метку. Иначе неполный ранний фрагмент незаметно превратится в подробную запись всего процесса рождения.

Билл D вспоминает ожидание, очередь и сильное бесформенное присутствие, собирающее готовых к телу. Обычного зрения и звука нет; положение и чувства других

воспринимаются непосредственно. Он пытается сохранить память и описывает собственный стратегический замысел. Рядом с могущественной фигурой ощущает собственную малость, хотя продолжает рассуждать и действовать. Далее появляются толчки, трудный первый вдох и холодные весы. При этом он говорит, что не понимал внутриутробного положения и не знает более раннего прошлого. Даже сам автор не считает повторное рождение единственным необходимым выводом. [43]

В таком случае сохранение намерения важнее предполагаемой полноты знания. Личность узнаётся через цель: продолжать помнить. Но утверждение о стирании памяти содержит ещё один шаг. Воспоминание может содержать пробел, но сам этот пробел не показывает, почему память стала недоступной. Для вывода о внешнем механизме стирания нужны дополнительные сведения. Нельзя объяснять им автоматически каждую отсутствующую часть маршрута.

Переход, пребывание и возвращение в детских рассказах

Шарма и Такер выделили в анализе 35 бирманских случаев три группы сообщений: переход после смерти, относительно устойчивое пребывание и возвращение, связанное с выбором родителей или зачатием. В источниках встречались земные места, обязанности, комфорт и неудобство, самостоятельное направление к семье и помощь старшего существа. В одном описании другие существа бросали предметы в рассказчика; в другом потребности человека были обеспечены и пребывание ощущалось приятным. Авторы отдельно предупреждали, что бирманская часть базы была закодирована неполно и отчасти отобрана по наличию межжизненных воспоминаний; её нельзя считать представительной для расчёта распространённости. [44]

Значение этой схемы в том, что она извлекает последовательность из конкретного класса записей. Но три широких узла ещё не сообщают, какие состояния обязательны для каждого случая. «Пребывание» может объединять подробное описание места и короткую фразу о нахождении возле дерева. При одинаковом коде полнота сведений различается.

То же относится к внешним и внутренним признакам. Известное место не даёт длительности. Сообщение о старшем существе не устанавливает способ общения. Указание на следующую семью не объясняет, выбиралась ли она свободно. Если первоначальный исследователь не задавал этих вопросов, отсутствующие сведения нельзя восстановить только из сходства с другими историями.

Мэтлок и Гислер-Петерсен сопоставили 85 опубликованных случаев и отметили, что немногие охватывают больше трёх из пяти рассматриваемых стадий. Их материал содержит различия между земной и неземной средой в азиатских и западных описаниях. При этом авторы заранее принимают реинкарнационное объяснение части случаев; эта предпосылка не является результатом самого сравнения. [45]

Объединённая последовательность может выглядеть непрерывной, даже когда ни один источник не проходит её полностью. В таком случае карта показывает совместимость отдельных фрагментов с общей гипотезой. Для перехода к утверждению о едином маршруте нужно дополнительно подтвердить, что соединяются действительно одни и те же состояния, а промежутки между ними не заполнены предположениями.

Голос ребёнка и история записи

Томо в исследовании Окадо различает нынешнего себя и прежнего британского мальчика. Он описывает переход через образ, сравниваемый с горкой или эскалатором, и говорит о

выборе сильного тела. Значительная часть сведений сохранена в дневнике матери; к исследовательским интервью многие подробности уже исчезли. Предполагаемую прежнюю личность найти не удалось. Образ прежней матери и желание встретиться с ней сохранялись дольше части подробностей. Поэтому уменьшение доступных сведений не совпадало с немедленным исчезновением эмоциональной связи. [46]

В этом случае дневник позволяет видеть рассказ во времени. Он показывает, какие вопросы задавались и какие ответы появились раньше других. Даже при отсутствии установленной биографии такой документ полезен для изучения изменений памяти. Он также ограничивает возможности поздней реконструкции: известное раннее утверждение нельзя незаметно заменить более удобной версией.

Возраст ребёнка сам по себе не делает рассказ свободным от влияний, но и не объясняет его содержание. Требуется конкретная история доступа к сведениям: разговоры семьи, поездки, изображения, вопросы взрослых. При этом исследователь должен сохранять возможность ошибки в обе стороны. Слишком быстрое признание совпадения оставляет без проверки обычные каналы; слишком быстрое объяснение фантазией прекращает поиск возможного источника знания.

В публикации Стивенсона и Самараратне о Тусите Силве фигурирует сообщение, что до рождения он наблюдал нынешнего отца в месте паломничества. Для биографических утверждений существовали ранние списки, но не вполне ясно, к какому этапу записи относится именно межжизненная фраза. Статья сохраняет также ошибочные сведения. [47]

Такой пример показывает, почему дата документа важна на уровне отдельного утверждения. Наличие ранней записи всего случая не означает, что каждая позднее опубликованная подробность была в ней с самого начала. История может укреплять одни выводы и оставлять другие без независимой

опоры. Общая репутация случая не должна заменять проверку конкретного фрагмента.

Что должно пройти через границу

Если предполагать продолжение личности, необходимо определить, что именно продолжается. Возможны биографические сведения, характерные предпочтения, отношения, навыки, чувство знакомости или способность переживать. Эти признаки различаются по способу проверки. Название прежнего места можно сопоставить с документом. Ощущение прежнего дома требует сначала описать, чем оно отличается от нынешней уверенности в происхождении памяти.

Непрерывность самосознания тоже имеет несколько смыслов. Один — отсутствие переживаемого разрыва. Другой — убеждение, что до разрыва существовал тот же субъект. Третий — сохранение определённой информации после него. Из наличия третьего не следует автоматически первое: человек может знать сведения о прошлом, совершенно не помня перехода. Поэтому «помнить прошлую жизнь» и «помнить весь путь» должны оставаться разными категориями.

Само рождение в этой части книги служит границей рассказа, а не заранее установленной точкой присоединения сознания. Одни источники помещают выбор раньше зачатия, другие описывают вход в тело позднее, третьи начинаются уже с телесной сцены. Привести их к одной дате можно только ценой дополнительных предположений. Для каждого случая следует сохранить собственную последовательность.

После рождения начинается ещё одна история — история рассказа о пережитом. Появляется язык, возникают вопросы, меняются доступные понятия. В какой-то момент сведения впервые фиксируются. Между предполагаемым событием и документом могут лежать годы. Следующая часть книги посвящена тому, что можно восстановить через это расстояние: земному времени, устойчивости личности и свидетельствам других людей.

Часть III Время и непрерывность личности

Глава 10

Два времени

Календарь события

Вопрос о времени возникает почти сразу после рассказа о возвращении. Если человек говорит, что покинул тело и оказался в другом месте, хочется узнать, сколько он там пробыл. Если ребёнок относит себя к умершему человеку, возникает другой вопрос: сколько времени разделяло две жизни. Оба вопроса понятны, но они относятся к разным величинам. Первый касается пережитой длительности, второй — промежутка между событиями в земном календаре. Для соединения этих величин необходимы дополнительные сведения. Одной убедительности рассказа недостаточно, чтобы две шкалы автоматически стали сопоставимыми.

Разница между датой смерти одного человека и датой рождения другого вычисляется обычным способом. Однако смысл результата зависит от предположений. Нужно принять, что установлена именно предыдущая жизнь, что между двумя биографиями не пропущено другое предполагаемое существование и что рождение соответствует тому моменту перехода, который описывает рассказчик. Если хотя бы одно условие неизвестно, полученное число сохраняет календарное значение, но его толкование как длительности пребывания между жизнями остаётся условным.

Даже простую арифметику приходится проверять. В статье Кришны Равата о Шанти Деви указаны смерть Лугди 4 октября 1925 года и рождение Шанти 11 декабря 1926 года. Автор при этом называет промежуток одним годом десятью месяцами и семью днями. По приведённым датам получается один год два месяца и семь дней, или 433 дня. Это внутренняя

ошибка публикации. Исправленное вычитание не превращает сами даты в независимо проверенные документы: статья пересказывает историю, а оригинальные свидетельства о смерти и рождении здесь не предъявлены. [48]

Такое расхождение может показаться мелочью по сравнению с необычностью всей истории. Но именно из подобных чисел затем строятся представления о сроках возвращения. Случайная опечатка, ошибка перевода или неверный месяц способны изменить предполагаемую закономерность. Проверка времени поэтому начинается с обыденной работы: откуда взята каждая дата, в каком документе она появилась, насколько точно известен день и не расходятся ли таблица и основной текст. Метафизическая интерпретация не отменяет требований календаря.

Длительность и порядок

У субъективного времени есть несколько сторон. Человек может помнить последовательность событий, ощущать долгое ожидание, знать внутри переживания, что прошло много лет, или сохранять лишь впечатление отсутствия времени. Эти описания нельзя записывать в одну графу. Последовательность отвечает на вопрос, что было раньше и позже. Ощущение длительности сообщает, насколько растянутым казалось происходящее. Утверждение о числе лет может быть частью содержания переживания, хотя последовательное проживание этих лет не вспоминается.

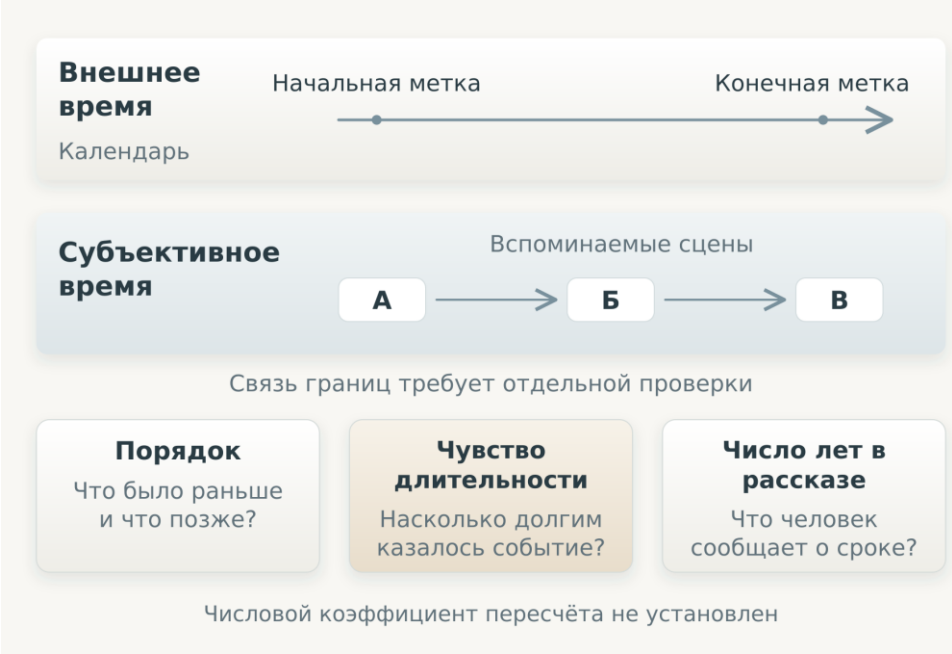

Рисунок 19. Календарное и субъективное время. Схема сопоставляет внешние метки с порядком сцен и ощущением длительности. У субъективной линии нет установленного числового масштаба.

В публикации Равата и Риваса Шанти Деви на вопрос о времени отвечает, что его ощущения не было и оценить длительность она не может. В другом фрагменте ожидание называется долгим. Эти формулировки совместимы: переживание могло иметь последовательность и эмоциональное качество ожидания без числовой оценки. При этом статья соединяет материалы разных лет, включая описания гипнотических интервью, поэтому их нельзя считать одной записью, сделанной непосредственно после события. [49]

Фраза об отсутствии времени требует особенно бережного чтения. Она может обозначать отсутствие часов, утрату интереса к длительности, невозможность оценить промежуток после возвращения или переживание одновременности. Каждая возможность задаёт свой вопрос. Если рассказ содержит разговор, решение и последующий

переход, в нём уже есть различие между состояниями, даже если рассказчик считает место вневременным. Это не опровергает переживание. Просто слово «время» используется здесь в нескольких смыслах, и их следует развести прежде, чем строить физическую модель.

Мысленный пример помогает увидеть различие. Один человек сообщает, что долго ждал у двери, но не знает сколько. Другой говорит, что ему сразу стало известно о прошедших ста годах. Третий вспоминает множество отдельных дней. Во всех трёх случаях возможно сильное чувство длительного пребывания. Но только третий рассказ содержит заявленную развёрнутую последовательность. Даже в нём остаётся вопрос, как память представляет множество дней и можно ли установить их число. Подставить всем троим одинаковую длительность означало бы потерять главное различие между рассказами.

Внешние ориентиры

В описаниях предполагаемого промежутка встречаются земные события: похороны, разговоры родственников, движение людей возле тела. Такие детали могут служить временными ориентирами, если их происхождение проверено. Однако ориентир связывает с календарём конкретный фрагмент. Он не измеряет автоматически всю последующую сцену. Узнаваемые похороны позволяют обсуждать положение эпизода относительно похорон, но не сообщают продолжительность дальнейшего пребывания в саду, темноте или незнакомом помещении.

В исследовании Пурнимы Эканаяке упоминается несколько дней возле умершего тела, после чего следует переход. Для календарной проверки обнаруживается препятствие: таблица датирует смерть 9 апреля 1985 года, а основной текст относит её к сентябрю того же года. Рождение указано 24 августа 1987 года. Исследователь также отмечает отсутствие первоначальной записи высказываний до контакта семей.

Пока расхождение не разрешено, точный промежуток непригоден для вывода о скорости субъективного времени. [50]

Есть и другая возможность ошибки: человек мог узнать время земного события позже. Если после возвращения он прочитал, сколько длилась реанимация, это знание могло войти в последующий рассказ. Тогда фраза «я был там семь минут» может означать «врачи сообщили, что прошло семь минут». Субъективная оценка в таком случае отсутствует. Исследователь должен сохранить обе формулировки и их происхождение, чтобы медицинский интервал не начал выдавать себя за внутренние часы.

Полезно спрашивать, как именно человек пришёл к своей оценке. Он видел часы, считал повторяющиеся действия, наблюдал смену дня и ночи, услышал число от персонажа или сделал вывод после пробуждения? Ответ не определяет истинность всего рассказа, зато позволяет понять, какая величина вообще предложена для сопоставления. Иногда наиболее точным результатом будет признание, что длительность неизвестна. Такая запись оставляет возможность дальнейшего исследования и не создаёт ложной точности.

Пропущенные звенья

Особенно сложны случаи, в которых человек сообщает о нескольких прежних существованиях. В описании Сварнлаты у Стивенсона фигурируют Бия, умершая в 1939 году, и Сварнлата, родившаяся 2 марта 1948 года. Но рассказ включает ещё одну предполагаемую жизнь между ними — Камлеш, которую не удалось идентифицировать. Промежуток между двумя известными датами поэтому нельзя уверенно считать одним пребыванием между жизнями. [51]

В той же книге случай Джасбира устроен иначе: предполагаемый предшественник умер примерно через три с

половиной года после рождения ребёнка. Рассказ связывает переход с болезнью уже живущего Джасбира, причём точная дата болезни не установлена. Дата рождения тела и предполагаемая смена идентичности здесь обозначают разные события. Отрицательная разница между рождением и смертью не становится свидетельством обратного времени. [51]

Существуют и специально отобранные короткие интервалы. Матлок рассмотрел 36 опубликованных случаев, в которых заявленная смерть предшествовала рождению менее чем на девять месяцев. Такая выборка позволяет обсуждать отношения между предполагаемым переходом, беременностью и рождением. Она не характеризует частоту коротких промежутков среди всех сообщений и сама по себе не устанавливает момент присоединения к телу. [52]

Из этих примеров следует важная поправка к самой схеме. У неё может быть несколько возможных конечных меток: зачатие, определённый момент беременности, рождение или поздняя перемена самоидентификации. Если исследователь заранее выбирает одну метку для всех рассказов, он рискует получить закономерность, созданную собственным определением. Следует сначала выяснить, о каком событии идёт речь в каждом случае, а затем сравнивать только сопоставимые промежутки. Возраст первого высказывания и дата его записи относятся к истории сообщения; без специального утверждения рассказчика их нельзя считать моментом предполагаемого перехода.

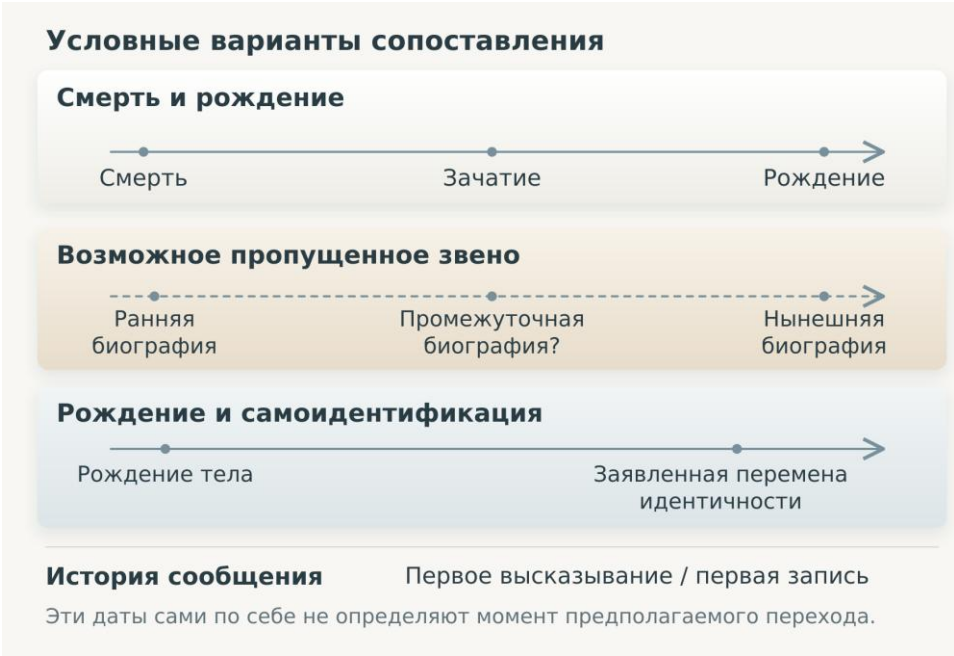

Рисунок 20. Границы интервала. Условная схема разделяет зачатие, рождение и заявленную смену идентичности. Первая запись относится к истории сообщения; её дата не определяет момент предполагаемого воплощения.

Сопоставление двух шкал

Для полноценного сопоставления нужны два интервала с одними и теми же границами. Внешний интервал должен быть привязан к документированным событиям. Внутренний — описан самим пережившим человеком до того, как ему сообщили внешний результат. Кроме того, нужно знать, что воспоминание относится именно к этому периоду, а не к состоянию перед ним или после него. Эти условия трудны, но они объясняют, почему отдельные медицинские минуты и рассказы о годах пока нельзя складывать в универсальное соотношение.

Допустим в мысленном примере, что два человека независимо описали длительное пребывание, а медицинские записи показывают одинаковую продолжительность

отсутствия реакции. Даже такое совпадение оставляет несколько вариантов: они могли по-разному оценить одну и ту же длительность, сформировать переживания в разных участках наблюдаемого периода или позднее придать опыту большую протяжённость. Чтобы различить варианты, нужны подробности последовательности и ранние записи. Простое деление одного числа на другое скрывает эти развилки.

Следует также различать момент опыта и момент его восстановления в памяти. Человек может впервые рассказать о сцене через годы. Это само по себе не устанавливает ни её позднее создание, ни её сохранение в неизменном виде. Возникает отдельная история: когда появилась первая уверенность, что именно вспоминалось сначала, какие сведения поступили затем. У переживания, биографии и рассказа получаются собственные хронологии. Их соединение и составляет исследовательскую задачу.

Признание этих ограничений не лишает вопрос о времени содержания. Напротив, оно делает возможными конкретные результаты: исправленную дату, отделение долгого ожидания от знания о годах, выявление пропущенной жизни, установление раннего сообщения. Рассмотренные здесь разнородные свидетельства не позволяют вывести надёжную общую зависимость земной и субъективной длительности. Следующая проблема поэтому касается того, чьи именно часы сравниваются. Если время связывает две биографии, необходимо понять, на каком основании их считают биографиями одного и того же существа.

Глава 11

Кто продолжает жить

Тело и предполагаемая личность

Вопрос о продолжении жизни часто формулируют так, будто значение слова «продолжение» очевидно. Но рассказ о переживании после остановки сердца, детское воспоминание о другой семье и внезапная смена взрослой идентичности предъявляют разные требования к понятию личности. В первом случае человек возвращается к своей биографии. Во втором появляется утверждение о другой биографии. В третьем прежняя жизнь тела продолжается, а рассказ о том, кому принадлежит это тело, меняется. Общая теория должна объяснить различия, а не устранить их одним названием.

Случай Сумитры позволяет увидеть проблему особенно ясно. Согласно первичному отчёту, она родилась приблизительно в 1968 году. Шива Трипатхи умерла в мае 1985 года. В июле того же года после необычного состояния Сумитра стала отождествлять себя с Шивой. Медицинского подтверждения смерти Сумитры нет. Исследователи начали работу после знакомства семей; газетная информация о смерти была доступна ранее. Авторы признавали подсказку при одном узнавании и ошибки с фотографиями, хотя часть других сведений считали труднообъяснимой. [53]

Здесь нельзя описать переход одним предложением о новом рождении. По версии рассказа, изменилось отношение уже живущего человека к собственному имени, близким и прошлому. Если представить буквальное продолжение Шивы, возникает вопрос о судьбе прежней Сумитры. Если предположить психологическое изменение самоидентификации, требуется объяснить его содержание и связанные с ним знания. Обе постановки содержательны, но каждая нуждается в своём наборе наблюдений.

Неопределённость не исчезает от того, что выбран выразительный термин.

Даже слово «смерть» в подобном случае требует отдельной проверки. Родственники могут описывать неподвижность, отсутствие заметного дыхания или уверенность, что человек умер. Эти сообщения показывают восприятие свидетелей. Для медицинского утверждения нужны другие данные. Поэтому цепочка «человек умер, его тело заняла другая душа» включает как минимум две гипотезы: о состоянии тела и об источнике новой идентичности. Сильное впечатление от второй части не подтверждает первую.

Убеждённость, знание и тождество

Можно выделить три самостоятельных утверждения. Человек воспринимает себя определённой личностью. Он сообщает сведения о жизни этой личности. Между ним и умершим существует тождество, то есть речь идёт об одном продолжающемся субъекте. Первое утверждение относится к самосознанию, второе — к информации, третье — к природе личности. Они связаны, но переход от одного к следующему требует обоснования.

История Ирис Фарцади показывает, почему устойчивость самоидентификации не завершает проверку. Венгерская девушка стала представлять себя испанкой Лусией. При позднем исследовании заявленную испанскую семью найти не удалось. Авторы подробной публикации разошлись в объяснениях: рассматривали вселение, диссоциацию с криптомнезией и возможность оставить вопрос нерешённым. Долговечность необычной идентичности оказалась совместима с отсутствием подтверждённой предполагаемой биографии. [54]

Криптомнезией называют ситуацию, когда ранее усвоенное содержание появляется без узнавания его происхождения и может восприниматься как собственная новая мысль. Браун и

Мёрфи исследовали этот эффект в заданиях, где участники непреднамеренно присваивали ответы других. [55] Сам термин не заменяет установления конкретного канала информации в конкретном случае. Если объяснение предполагает прочитанную книгу, услышанный разговор или прежнее знакомство, желательно предъявить основания для такого предположения. Ссылка на потенциальную возможность должна оставаться возможностью, а найденный информационный путь — проверенным обстоятельством.

Обратная ошибка возникает, когда неизвестный источник сведений сразу объявляют доказательством личного продолжения. Мысленный пример: человек без объяснимого доступа точно перечисляет факты чужой биографии. Даже если это условие выполнено, остаётся различие между получением информации и сохранением самого субъекта. Гипотеза переноса памяти, гипотеза другого способа получения знания и гипотеза реинкарнации могут совпадать в одном предсказании. Различать их придётся по дополнительным последствиям, а не по повторному предъявлению тех же фактов.

Это рассуждение не обесценивает необычную информацию. Оно уточняет, какой вопрос она способна решить. Проверка знания может существенно сузить круг объяснений. Установление тождества требует ещё показать, почему совпадение информации указывает на продолжение переживающего «Я», а не только на совпадение содержания двух умов. В книге о возможном пути души эта граница особенно важна: иначе биографические сведения начинают незаметно выполнять работу целой теории сознания.

Новая речь и прежняя биография

Другой сильный мотив — появление речи, которую человек якобы никогда не изучал. Такое сообщение называют ксеноглоссией. Прежде чем обсуждать его происхождение, нужно определить, что именно продемонстрировано:

несколько слов, заученные выражения, понимание вопросов, гибкая разговорная речь или владение языком на уровне носителя. Смена произношения и способность строить новые предложения предъявляют разные требования к проверке. Слушатель, не знающий языка, может оценить только часть этих свойств.

В лингвистическом разборе случая Уттары и Шарады Сара Томасон показала расхождения между оценками бенгальской речи. Рассматривались возможности прежнего знакомства с языком; один специалист оценивал речь как современную и ненативную. Такой материал требует осторожности при переходе от впечатляющего языкового поведения к выводу о конкретной исторической личности. Томасон анализировала прежде всего лингвистическую силу свидетельств, и именно в этих границах следует читать её выводы. [56]

Даже хорошо проведённый языковой тест решает ограниченный вопрос. Он способен определить, насколько свободно человек понимает и производит речь. История усвоения языка проверяется отдельно. Историческая личность, которой человек себя считает, — ещё одна отдельная задача. Если смешать эти уровни, любая необычная фраза начинает служить доказательством сразу и языка, и памяти, и нового носителя сознания. Напротив, последовательное разделение позволяет заметить, на каком этапе свидетельство действительно становится сильнее.

Имеет значение также способ общения во время проверки. Если оценщик знает предполагаемую биографию, он может задавать подходящие вопросы и интерпретировать неопределённые ответы в её пользу. Возможна и обратная предвзятость, когда необычный ответ отвергается из-за заранее принятого объяснения. Раздельная фиксация вопросов, ответов и критериев оценки защищает исследование от обоих направлений ошибки. Здесь важен не эмоциональный настрой исследователя, а возможность другому специалисту восстановить ход проверки.

Несколько возможных продолжений

Простая модель предполагает соответствие между одним умершим и одним новым человеком. Стивенсон обсуждал сообщения у игбо, где одного покойного считали воплотившимся в нескольких детях. Он отмечал неравную силу свидетельств и семейную заинтересованность в такой атрибуции. В той же книге заявленное промежуточное существование Ма Тан Тан Айе в теле быка оставалось непроверяемым. Такие рассказы расширяют набор гипотез, но не устанавливают ни разделение личности, ни переход между биологическими видами. [57]

Логически гипотеза нескольких продолжений гораздо требовательнее, чем гипотеза одного. Нужно решить, что именно разделяется: память, способность переживать, черты характера или всё перечисленное. Если два человека имеют одинаковое предполагаемое прошлое, сохраняют ли они общий центр опыта? Могут ли их решения расходиться? С какого момента они становятся отдельными субъектами? Без ответов слово «разделение» обозначает образ, а не механизм, который можно сопоставлять с наблюдениями.

Мысленный пример делает трудность нагляднее. Представим две точные копии одной автобиографической памяти. Каждая копия уверена в своём прошлом и признаёт себя продолжением прежнего человека. Если они находятся в разных местах и получают разные новые впечатления, их нынешние точки зрения расходятся. Наличие одинаковой памяти ещё не определяет, какая из них является прежним субъектом и применим ли здесь вообще единственный ответ. Это философская задача, возникающая ещё до обсуждения конкретных историй перерождения.

Рисунок 21. Одинаковая память и разные точки зрения. Мысленный пример: две фигуры обладают одинаковой автобиографической памятью, но получают разные новые впечатления. Совпадение воспоминаний оставляет вопрос о тождестве субъекта открытым.

С другой стороны, отсутствие воспоминаний не решает вопрос отрицательно. Можно определить личную непрерывность через память, но тогда случаи её утраты потребуют дополнительных условий. Можно опереться на тело, но такая модель иначе прочтёт рассказы о другом теле. Можно предположить устойчивого носителя опыта, который не зависит от доступной биографии. Тогда придётся объяснить, по каким наблюдаемым признакам его узнают. Каждое определение имеет последствия, и выбирать его следует открыто.

Как сделать различие исследуемым

Здесь возникает задача для будущей теории. Пусть первая модель предполагает передачу сведений без продолжения прежнего субъекта, а вторая — продолжение того же субъекта. Если обе при любых доступных условиях

предсказывают одинаковые ответы, дополнительные биографические совпадения не позволят выбрать между ними. Это относится к наблюдательной различимости моделей и не означает, что философский вопрос уже решён.

Чтобы продвинуться дальше, каждой модели нужен собственный закон связи между предполагаемым носителем, памятью и поведением. Он должен задавать различающиеся последствия: например, ограничения на несколько одновременных продолжений или на совместное сохранение навыка и конкретного намерения. Ограничения нельзя выбирать после знакомства с удобным случаем. Сначала из устройства модели выводится проверяемое следствие, затем ищутся или собираются подходящие данные. Книга предлагает этот путь как исследовательскую задачу; установленного способа непосредственно измерить численное тождество субъекта здесь нет.

Сохраняющееся Я

Для анализа рассказов полезно временно удержать несколько компонентов личности рядом. Сохраняется ли ощущение существования? Узнаёт ли человек свою земную жизнь? Помнит ли отношения и обязательства? Может ли размышлять о собственном состоянии? Есть ли чувство авторства решений? Необязательно, чтобы все компоненты менялись одновременно. Поэтому утверждение о сохранении «Я» имеет смысл только вместе с объяснением того, что именно рассказчик относит к этому «Я».

Рисунок 22. Компоненты сохраняющегося Я. Рабочая схема различает чувство существования, биографическую память, отношения, авторство решений и рефлексию. Эти признаки могут изменяться по-разному.

Квалиа, то есть переживаемое качество состояния, дают доступ к другой стороне вопроса. Рассказ о цвете, боли, покое или прикосновении свидетельствует о том, как опыт вспоминается изнутри. Он не содержит готового ответа о том, кто является его носителем вне нынешней биографии. Самосознание добавляет отношение к опыту: происходящее осознаётся как собственное. Рефлексия позволяет оценивать это отношение. В анализе следует сохранять эти различия, чтобы яркость ощущений не подменяла установление личной непрерывности.

У случая Джасбира остаётся особенно острый вопрос: что произошло с прежним «Я Джасбира», если последующую идентичность считать пришедшей извне? Сам Стивенсон не располагал определённым ответом. Неизвестное место в таком рассказе должно оставаться видимым, даже если другие подробности привлекают исследователя. [51]

Поэтому карта продолжения жизни должна показывать не только переходы между местами, но и изменения того, кто себя узнаёт. В одной точке речь может идти о прежнем человеке с полной памятью, в другой — о субъекте без имени, в третьей — о новой биографии с отдельными фрагментами прошлого. Между такими состояниями нельзя молча провести линию тождества. Именно эта линия требует объяснения. Следующая группа свидетельств усложняет задачу ещё сильнее: в ней умершего узнаёт другой, продолжающий жить человек.

Глава 12

Встречи во сне и совместные переживания

Чья сторона встречи доступна

Рассказ о встрече с умершим кажется особенно близким к прямому наблюдению: знакомый человек выглядит определённым образом, произносит слова, касается руки или сообщает, что с ним всё хорошо. Но исследователь получает свидетельство живого участника. Предполагаемая сторона умершего доступна только через содержание этого переживания. Это простое различие позволяет сохранить подробности встречи, не превращая каждую из них в независимое сообщение об устройстве другого мира.

В опросе людей, ухаживавших за пациентами хосписа и переживших утрату, Райт и соавторы обнаружили среди тем снов здоровье и спокойствие умершего, послания, общие воспоминания, а также болезнь и смерть. Сны могли быть приятными, неприятными или смешанными. Исследование рассматривало переживания скорбящих, не измеряя субъективную длительность существования персонажа сна. [58]

Для карты возможного посмертного пути это означает, что образы нельзя размещать по фазам только по времени сна. Если человек увидел родственника через много лет после похорон, известен промежуток в жизни сновидца. Из него не следует, что родственник субъективно ждал столько же лет или всё это время находился в одном месте. Во сне может присутствовать и конкретная дата, но тогда нужно отдельно установить, откуда она известна и что именно обозначает.

Возникает вопрос и о совместимости таких встреч с перерождением. Допустим в мысленном примере, что одному

умершему приписывают новое рождение, а другой человек позже сообщает о сне с ним. Противоречие появится лишь при дополнительном условии: новое рождение полностью исключает любые прежние проявления. Если этого правила в исходной гипотезе нет, нельзя считать сон ни опровержением, ни подтверждением перерождения. Зато можно увидеть, какое новое правило приходится добавлять, чтобы соединить две истории.

Последние дни живого человека

Предсмертные сны и видения самого пациента представляют отдельную группу. В продольном исследовании Керра и соавторов в анализ вошли 59 пациентов хосписа; 52 сообщали о снах или видениях, связанных с концом жизни. Среди образов присутствовали умершие, живые и бытовые сцены. Это число не означает, что все 52 видели умерших. Интервью повторялись, а время отмечалось относительно последующей смерти пациента. [59]

В исследовании домашнего хосписа Депнер и соавторы также обнаружили разнообразное содержание: близость и поддержку, нейтральные или конфликтные взаимодействия, повседневные занятия, транспорт и знакомые образы массовой культуры. Сообщения одного участника могли повторяться. Поэтому количество записанных переживаний отличается от количества людей, а наличие бытовой сцены не выделяет её автоматически в особую посмертную категорию. [60]

В таких наблюдениях особенно ценна возможность проследить изменения во времени. Но нужно понимать, что именно меняется: содержание сна, частота сообщений, состояние пациента, возможность разговаривать или готовность исследователя включить эпизод. Если человек больше не может отвечать, его отсутствие в новых интервью не равно отсутствию переживаний. Здесь исследователь

сталкивается с границей доступности данных, которую нельзя заполнить предположением о том, что происходило внутри.

Одинаковая сцена также может приобретать разный эмоциональный смысл. Увидеть знакомого умершего человека — ещё не значит испытать облегчение. В индийском исследовании Дэма некоторых участников пугало само присутствие человека, которого они знали как умершего, даже если его образ выглядел доброжелательно. Это мешает считать утешение обязательным свойством подобных переживаний. Различия в обстоятельствах и выборках при этом не позволяют объяснить результат одной национальной или религиозной принадлежностью. [61]

Следовательно, полезно описывать отдельно содержание и реакцию на него. Кто появился? Что происходило? Что чувствовалось во время встречи? Как человек оценивал её после пробуждения или возвращения к обычному общению? Эти ответы могут расходиться без противоречия. Сначала встреча могла пугать, а позднее восприниматься как поддержка. Для реконструкции опыта важны оба момента, поскольку позднее утешительное значение не обязано совпадать с исходным состоянием.

Рисунок 23. Кто переживает встречу. Слева показан сон после утраты, справа — переживание пациента в конце жизни. Авторская композиция разделяет два контекста сообщения и показывает, чья сторона опыта доступна исследованию.

Новость, которая ещё не пришла

Наибольший интерес для проверки вызывают сообщения о встрече до получения известия о смерти. Здесь появляется внешний факт, который потенциально можно сопоставить с ранней записью. Однако следует различать неизвестную смерть, неизвестную болезнь и неизвестную опасность. Если человек давно знал о тяжёлом состоянии родственника, совпадение имеет другие условия, чем при отсутствии любой предварительной информации. Обе истории могут быть значимыми для пережившего их человека, но их исследовательская структура различается.

Исторический случай Дорис опубликован Уильямом Барреттом. Согласно письмам, семья скрывала от умирающей смерть сестры Виды. Однако врач Флоренс Барретт ушла до эпизода с Видой; эта часть описана другими присутствовавшими. Меры сокрытия новости сообщены

родственниками и не являются контролируемой изоляцией информации. Веб-транскрипция позволяет восстановить различие свидетельств, но не заменяет оригинальные рукописи и медицинскую документацию. [62]

В исследовании Харальдссона другой рассказчик связывал появление Маргрет с часами, показывавшими 03:30. Жена позднее подтвердила, что утром он рассказал о встрече до известия о смерти. Такая последовательность интереснее одиночного позднего воспоминания, однако ранняя письменная запись и независимое подтверждение точного совпадения до минуты не предъявлены. [63]

Сильная проверка должна удерживать вместе четыре элемента: содержание первого сообщения, время его фиксации, сведения, доступные до него, и независимо установленное внешнее событие. Если отсутствует один элемент, остальные не исчезают, но область допустимого вывода сужается. Подтверждение смерти доказывает смерть. Подтверждение утреннего рассказа устанавливает существование рассказа до определённой новости. Совпадение деталей требует собственной проверки. Слово «подтверждено» без указания подтверждённого элемента создаёт больше уверенности, чем позволяют данные.

Рисунок 24. Что именно подтверждает совпадение. Схема объединяет четыре элемента проверки: первое сообщение, время записи, предварительно известные сведения и независимо установленное событие. Каждый элемент требует собственного подтверждения.

Нужен и учёт несостоявшихся соответствий. Мысленный пример: человек записывает множество снов о знакомых, но обсуждает только тот, после которого приходит печальная новость. Даже очень близкое совпадение в такой истории оценивается иначе, чем единственное заранее сформулированное сообщение. Чтобы сравнить наблюдение со случайностью, необходимо знать пространство возможностей: сколько было снов, людей, подходящих событий и допустимых временных интервалов. Этот вопрос касается структуры проверки, а не искренности человека.

Совместность и независимость

Название shared death experience может создать впечатление, что два человека одновременно наблюдали один и тот же мир. В исследовании Shared Crossing Research Initiative 107 участников сообщили о 164 переживаниях. Термин включал

ощущение сопровождения умирающего одним рассказчиком; наличие двух независимо записанных свидетелей не требовалось для каждого эпизода. Две публикации этого проекта используют ту же исходную выборку, поэтому их нельзя складывать как независимые корпуса. [64]

В межкультурном опросе Трессольди и соавторов участвовал 121 человек, описавший 146 случаев. Определение включало переживания до, во время и после смерти другого. В доступном авторском препринте при охвате нескольких моментов с тем же человеком приоритет отдавался категории «до». Поэтому распределение по времени зависит и от решения кодировщика. Исследование не представляет проспективную медицинскую проверку всех совпадений. [65]

Есть как минимум четыре степени совместности. Один человек может ощущать себя рядом с умирающим. Несколько людей могут говорить об одном происшествии. Их поздние рассказы могут совпасть после обсуждения. Наконец, можно получить раздельные записи до обмена сведениями. Эти ситуации нельзя расположить на одной ступени только потому, что во всех присутствует слово «вместе». Для проверки общего источника информации особенно значим последний вариант.

Харальдссон проверял сообщения о вторых свидетелях. Из 39 заявленных совместных наблюдений 21 получил позднее подтверждение, 6 остались неясными, 3 — без воспоминания или участия в подтверждении; 9 свидетелей были недоступны. Эти результаты показывают ценность последующей проверки, но не устанавливают независимость первоначальных описаний. [63]

Здесь важно не требовать от старых историй невозможного, а точно понимать их возможности. Позднее интервью способно обнаружить расхождение, подтвердить существование раннего разговора или уточнить обстановку. Оно обычно не может восстановить утраченную запись до общения свидетелей. Если люди сразу обсудили увиденное, их

последующее согласие должно анализироваться вместе с этим фактом. Самостоятельность личности свидетеля и независимость его информации — разные свойства.

Значение пережитой встречи

Культурное толкование может менять смысл сна. В исследовании Хинтона и соавторов среди травмированных камбоджийских беженцев продолжающиеся сны об умерших могли пониматься как признак затруднения с перерождением. Это клиническая группа с опытом массового насилия; её особенности нельзя переносить на всех буддистов или всех скорбящих. [66]

Даже исследовательские категории требуют проверки. В работе Блэка и соавторов согласие кодировщиков при отнесении сна к приятному «визиту с того света» оказалось слабее, чем при кодировании более конкретного физического выражения привязанности. Значит, внешне понятное духовное название может скрывать разные решения оценщиков. Чем ближе категория к предполагаемой природе события, тем важнее установить, по каким признакам её назначают. [67]

Для человека встреча может сохранять значение независимо от того, установлено ли происхождение образа. Эмоциональный результат и передача внешней информации относятся к разным вопросам. Можно серьёзно исследовать оба, не требуя, чтобы утешение доказывало объективность мира сна или чтобы неопределённость происхождения уничтожала ценность пережитого. Такой подход позволяет разговаривать о свидетельствах без заранее вынесенного решения о всём опыте человека.

Для общей карты остаётся существенный результат. Сны, предсмертные видения и рассказы сопровождающих дают дополнительные формы встреч, узнавания и общения. Они расширяют материал для сравнения, но не становятся прямой записью хронологии умершего. Следует сохранить их отдельную позицию: это сведения о том, что переживают живые при встрече с образом умершего, и иногда — заявления о получении неизвестной информации. Проверка второго утверждения начинается там, где заканчивается одно лишь описание яркости встречи.

Часть IV Возможные объяснения

Глава 13

Сознание, мозг и пределы объяснения

Что требуется от механизма

После знакомства с необычными рассказами возникает естественное желание получить одно объяснение. Оно должно соединить выход из тела, ясность мысли, встречу, свет, изменение времени и уверенность в реальности происходящего. Однако сначала следует определить, объясняем ли мы каждую из этих характеристик отдельно, их сочетание у конкретного человека или происхождение общего повествовательного маршрута. Ответ на один вопрос не завершает автоматически остальные.

В исследованиях сознания под нейронными коррелятами в строгом смысле понимают минимальные нервные механизмы, совместно достаточные для определённого сознательного переживания. Отдельный показатель ЭЭГ может быть кандидатом в маркеры этих механизмов; его статистическая связь с отчётом ещё не устанавливает весь механизм. [84] Для причинного объяснения требуется больше: показать, как изменение условий влияет на нужное свойство опыта. Ещё один шаг — понять, почему возникает именно это содержание. Изменение состояния, появление конкретного образа и последующее убеждение в его значении могут требовать разных уровней анализа.

Представим условную исследовательскую ситуацию. Известно, что при определённом воздействии люди чаще сообщают о необычной телесной перспективе. Это уже содержательный результат. Но он не сообщает, почему один

человек видит больничную палату, другой описывает движение в темноте, а третий не запоминает ничего. Чтобы перейти от общей возможности к конкретной истории, понадобятся данные о дополнительных условиях, последовательности событий и формировании памяти.

Так же следует обращаться с объяснением через внешний мир или продолжение сознания. Само предположение о существовании другого уровня реальности ещё не объясняет, почему определённому человеку доступна одна сцена, другому — другая и почему сведения сохраняются в данной форме. Любая содержательная модель должна описывать условия появления опыта и указывать наблюдения, при которых её ожидания окажутся неверными. Иначе она лишь повторит рассказ более общими словами.

Запись мозга без рассказа

В работе Vicente и соавторов 2022 года анализировалась ЭЭГ 87-летнего пациента с тяжёлым поражением мозга и судорогами. Абсолютная гамма-мощность повышалась перед остановкой сердца на определённом участке записи, а после неё снижалась; относительная доля гамма-активности имела другую динамику. Пациент умер. Предположение о возможном обзоре жизни возникло при интерпретации физиологии, поскольку сообщить содержание переживания он не мог. [68]

Xu и соавторы в 2023 году изучили записи четырёх умирающих пациентов. У двух после прекращения вентиляционной поддержки обнаружились усиление гамма-активности и изменения связности. Никто не выжил и не оставил рассказа об этом периоде. Авторы сами отмечали, что результаты не устанавливают наличие сознательной обработки и допускают патологические процессы. [69]

При чтении таких работ особенно важно не превращать электрическую активность в перевод конкретной сцены.

Название частотного диапазона не обозначает воспоминание, чувство любви или встречу с родственником. Для содержательного соответствия нужны данные о физиологии и переживании одного человека, относящиеся к согласованным временным границам. Если отсутствует одна из сторон, остаётся гипотеза о связи, которую ещё предстоит проверить.

В AWARE II эта проблема проявляется иначе. ЭЭГ была доступна лишь у двух из впоследствии опрошенных участников, и явных воспоминаний они не сообщили. Зарегистрированные у других пациентов ритмы нельзя переносить на рассказчиков. Наличие в одной статье и физиологических записей, и необычных историй само по себе не означает их индивидуальной синхронизации. [4]

Рисунок 25. Сопоставление физиологии и рассказа. Авторская схема показывает условия индивидуального сопоставления: один участник, согласованные интервалы и известные пределы времени воспоминания. Наличие обоих видов материала в одной публикации ещё не устанавливает их связь.

Есть и обычная арифметическая трудность, способная изменить смысл заголовка. Относительная доля некоторого сигнала может увеличиться, когда общая величина уменьшается быстрее самого сигнала. Например, в условном наборе данных пять единиц из десяти составляют большую долю, чем десять из ста, хотя абсолютное количество снизилось. Поэтому слова «усиление активности» нуждаются в уточнении показателя, исходной точки сравнения и участка записи. Этот принцип относится к измерениям вообще и особенно полезен там, где от небольшой терминологической ошибки зависит вывод о сознании.

Что можно сравнивать в лаборатории

Лабораторный аналог полезен, когда позволяет точно изменять условия и сравнивать результаты. Его ценность не требует полного совпадения с исходным явлением. В то же время список совпадений следует сохранять рядом со списком различий. Модель отдельного компонента становится гораздо информативнее, если заранее ясно, какая часть рассказа проверяется, а какие вопросы эксперимент пока не затрагивает.

В исследовании Martial и соавторов 2024 года после контролируемого обморока у восьми из 22 участников с пригодными данными содержание рассказа достигло порога по шкале Greyson. Изменение переживания времени отметили 20 человек. Встреч с умершими или религиозными фигурами и границы невозврата в этой выборке не сообщили. Работа сопоставляла рассказы и ЭЭГ, демонстрируя частичное перекрытие с феноменологией околосмертного опыта. Это не исследование переживаний после необратимой смерти. [70]

Другой способ сравнения — спросить людей, испытавших оба интересующих состояния. В работе Martial, Carhart-Harris и Timmermann 31 участник сопоставлял собственные околосмертные и психоделические переживания. Обнаружилось перекрытие по ряду характеристик, при

различиях в телесной отделённости и зрительных образах. Исследование было ретроспективным и зависело от самоотбора; обстоятельства опыта различались. Совпадение признаков не устанавливало ни полного тождества механизмов, ни общего внешнего места. [71]

Для оценки подобия важно разделять частоту и интенсивность. Один признак может встречаться в обеих группах почти одинаково часто, но переживаться с разной силой. Общий балл также может скрывать разные наборы составляющих: два человека достигают одного числа через разные ответы. Поэтому утверждение о сходстве нужно читать вместе с вопросами шкалы. Без этого сравнение превращается в сопоставление названий, за которыми остаются разные переживания.

Клинические обстоятельства добавляют ещё один уровень сложности. В случае, опубликованном Fritz и соавторами в 2025 году, необычный опыт описала женщина после тяжёлой дыхательной недостаточности и экстренного введения кетамина вместе с другими препаратами. Остановка сердца в описании не установлена. Точно расположить переживание относительно лекарства и других нарушений состояния не удалось. Приписать всё содержание единственному веществу означало бы превысить возможности этого случая. [72]

Поэтому сравнение должно сохранять контекст. Ретроспективный опрос, экспериментальное воздействие и единичное клиническое наблюдение отвечают на разные вопросы. Их можно объединять в программу исследования, но нельзя незаметно менять статус результата при переходе из одной категории в другую. Возможный механизм остаётся возможным, пока его необходимые условия не установлены в рассматриваемом событии.

Попытка собрать объяснения

Модель NEPTUNE, предложенная Martial и соавторами в 2025 году, объединяет предполагаемые влияния физиологического стресса, кровоснабжения, нейрохимических изменений, обработки телесных сигналов и психологических процессов. Она рассматривает околосмертные состояния до смерти мозга. Авторы прямо указывают на теоретический статус модели и неизвестные необходимые и достаточные сочетания механизмов. Её задача — связать разрозненные результаты в проверяемое нейронаучное объяснение; новой единой выборкой пациентов сам обзор не является. [73]

Объединение механизмов даёт содержательную возможность описывать сложный опыт без требования одной причины для всех его деталей. Но сложность модели имеет цену. Если любое сочетание наблюдений можно объяснить выбором дополнительных процессов, модель теряет определённость. Поэтому после объединения особенно нужны ограничения: какие свойства должны возникать совместно, какие условия должны ослаблять конкретный эффект и где ожидается отсутствие результата.

Простой пример такого требования можно сформулировать без выбора окончательной теории. Если предполагается, что изменение телесной перспективы зависит от рассогласования определённых сигналов, исследователь должен заранее описать, как изменится этот признак при устранении рассогласования. Если предполагается влияние биографических ожиданий на образ встречающего, ожидания необходимо фиксировать до опыта или хотя бы независимо от его последующего истолкования. В обоих случаях полезность объяснения определяется его отношением к новым данным.

Особого внимания заслуживает переход от возможного условия к установленной причине. Формулировка «такой механизм способен вызывать похожую характеристику» оставляет открытым вопрос о конкретном эпизоде. Для него

нужны сведения о наличии механизма, времени его действия и связи с содержанием. Этот промежуточный уровень может казаться менее завершённым, чем универсальная разгадка, но именно он позволяет постепенно уточнять объяснение вместо бесконечного повторения общей идеи.

Предел объяснения и предел вопроса

Исследование мозга и философский вопрос о природе сознания соприкасаются, но не совпадают полностью. Даже подробное описание условий, при которых возникает определённый опыт, может оставить открытым вопрос, почему он имеет субъективную сторону. И наоборот, признание этого философского затруднения ещё не устанавливает конкретную историю о другом мире, выборе семьи или переходе личности между телами. Для каждой такой истории остаются собственные требования к сведениям.

Нейробиологическое объяснение также не отменяет человеческого значения переживания. Причины возникновения опыта и место, которое он занял в жизни, можно исследовать отдельно. Если человек считает встречу источником примирения или нового понимания, это утверждение о последствиях и смысле. Чтобы обсуждать буквальную реальность встречи, необходим другой набор аргументов. Одно исследовательское направление не обязано поглощать второе.

При сравнении гипотез требуется избегать и обратной подмены. Недостаточность конкретной модели не служит готовым доказательством её альтернативы. Положительное основание появляется тогда, когда альтернативная модель описывает проверяемое наблюдение лучше, заранее ограничивает ожидаемый результат и выдерживает попытки найти обычные пути его получения. Особенно это касается предполагаемой передачи информации: проверяемое содержание должно быть сохранено до подтверждения, а возможные каналы — изучены отдельно.

В этой точке разговор о мозге возвращается к устройству свидетельства. Даже если все события переживания когда-нибудь удастся точно датировать, содержание останется доступным через воспоминание и рассказ. Уже сейчас можно исследовать, как на них влияют уверенность, вопросы и культурный язык. Следующая глава посвящена этому промежутку между событием и его объяснением, в котором формируется большая часть доступного исследователю материала.

Глава 14

Память, внушение и культура

Убедительность воспоминания

Человек может сомневаться в чужом рассказе и почти не сомневаться в собственном переживании. Особенно трудно поставить под вопрос событие, которое вспоминается с необычной ясностью и изменило отношение к жизни. Поэтому объяснение через память нередко воспринимается как обвинение в выдумке. Для исследования это ложное сближение. Искренность относится к намерению рассказчика; точность — к соответствию отдельных утверждений событиям. Можно добросовестно сообщать то, что переживается как воспоминание, и всё же нуждаться во внешней проверке его содержания.

Мур и Грейсон предложили 122 участникам сравнить воспоминания об околосмертном опыте с реальными и воображаемыми событиями. Воспоминания об NDE в целом оценивались как особенно насыщенные. Средний промежуток после опыта составлял около 34 лет. Это свидетельство о характеристиках воспоминания в момент исследования. Однократное обследование не показывает, что содержание каждого воспоминания оставалось неизменным все предыдущие годы. [74]

В эксперименте Шмидт и соавторов с 24 высоковнушаемыми взрослыми постгипнотический сигнал повышал уверенность и ускорял узнавание слов по сравнению с нейтральным сигналом. Статистически значимого изменения точности не обнаружили. Работа показывает отдельную изменяемость уверенности, но не воспроизводит возникновение ложной биографии или посмертного путешествия. [75]

Полезно поэтому рассматривать воспоминание по нескольким признакам. Насколько оно яркое? Насколько человек уверен? Насколько устойчиво повторяются детали? Есть ли внешняя проверка? Когда появилась первая запись? Эти признаки могут согласовываться, но их нельзя заменить одним общим впечатлением достоверности. Подробный рассказ без внешних ориентиров остаётся подробным рассказом. Короткое раннее сообщение с проверяемой редкой деталью может быть ценнее для определённого вопроса, хотя производит меньше эмоционального впечатления.

Устойчивость также нуждается в определении. Одно дело — повторение общего смысла, другое — совпадение конкретных слов, последовательности и обстоятельств. Если человек годами говорит, что был окружён любовью, это не устанавливает неизменность каждого эпизода. Если поздняя версия содержит новую фигуру, следует выяснить, была ли она в ранней записи. Такой анализ позволяет заметить изменения без предположения, что любое изменение является сознательным обманом.

Ошибка и источник знания

В исследовании Мейерсбург и соавторов 15 взрослых с сообщениями о воспоминаниях прошлых жизней сравнивали с 15 участниками контрольной группы. В заданиях с семантически связанными словами могли возникать ложное воспроизведение и узнавание отсутствовавшего слова. В первой группе некоторые ошибочные ответы встречались чаще, хотя статистическая убедительность зависела от теста. Конкретные биографии не проверялись; спонтанные детские случаи не исследовались. Поэтому результат относится к особенностям выполнения лабораторной задачи данной небольшой выборкой. [76]

Значение такой работы состоит в возможности изучать отдельный механизм при известных условиях. Исследователь знает, какое слово было предъявлено, а какого не было. В

рассказах о предполагаемом существовании до рождения такой опорный список отсутствует. Из-за этого перенос лабораторного результата требует осторожности. Он показывает, что убедительное узнавание может ошибаться, но не определяет автоматически происхождение любого конкретного воспоминания, полученного вне лаборатории.

Объяснение через реконструкцию тоже должно быть конкретным. Какие сведения были доступны? Когда они могли попасть к человеку? Какая часть рассказа совпадает с ними? Какие подробности остаются необъяснёнными? Предположение о прочитанной книге становится сильнее, если книга найдена и установлено знакомство с ней. Общая возможность влияния рассказов остаётся более слабым утверждением. Исследовательская строгость одинаково необходима и при поиске необычного источника, и при объяснении обычным путём.

Мысленный пример позволяет различить ошибку содержания и ошибку происхождения. Человек точно воспроизводит адрес, но считает, что видел его во сне, хотя когда-то прочитал в письме. Адрес может быть верным, а представление о том, откуда он известен, — неверным. Если проверять только адрес, получится впечатление подтверждённой необычной передачи. Если отвергнуть адрес из-за возможной ошибки памяти, потеряется действительно точная информация. Нужны две проверки, потому что утверждения различаются.

Отсюда следует полезное правило чтения. Каждое высказывание о знании можно разложить на содержание и заявленный источник. «Дом был красным» — одно утверждение. «Я узнал это, находясь вне тела» — другое. Они могут получать разную степень подтверждения. Такое разделение не разрывает человеческий опыт искусственно; оно позволяет понять, какая именно часть рассказа создаёт проблему для существующего объяснения.

Порядок, заданный вопросом

Особого внимания требуют процедуры, предназначенные для получения воспоминаний. В книге Хелен Вамбах опубликована последовательность, направляющая человека к воображаемому выходу из тела, состоянию до рождения, выбору рождения, помощникам и цели жизни. На первый ответ иногда отводятся пять секунд. Контрольной группы, свободной от такого сценария, в описанном материале нет. Поэтому совпадение маршрутов следует рассматривать вместе с совпадением вопросов. [77]

Разница между открытым и направляющим вопросом может быть небольшой по форме и большой по последствиям. Вопрос «Что было дальше?» допускает широкий круг ответов. Вопрос «Кто встретил вас после выхода?» уже предполагает выход и встречающего. Вопрос «Почему вы выбрали эту семью?» дополнительно предполагает, что выбор состоялся. Даже если человек отвечает искренне, эти ответы нельзя обрабатывать как самостоятельное появление всех перечисленных элементов.

В опросе 26 терапевтов Вамбах связывала редкие упоминания туннеля с тем, что многие специалисты не спрашивали о переходе после смерти. Сам её способ работы включал проведение к свету, обзору жизни и обсуждению последующих воплощений. Материал показывает, почему пропущенный вопрос и отрицательный ответ должны иметь разные обозначения. [78]

Руководство Института Ньютона 2022 года рекомендует открытые вопросы и допускает различный порядок переживаний. Одновременно для сертификации требуются определённые области; совет или место высшей мудрости обозначены обязательной остановкой. Среди ожидаемых мест перечислены обучение, восстановление и выбор тела. Это современный учебный документ. Он помогает анализировать

процедуру, но не устанавливает, что каждая ранняя сессия Ньютона следовала в точности тем же правилам. [79]

Для сравнения рассказов полезно сохранять вопрос рядом с ответом. Тогда можно увидеть, возникла ли комната самостоятельно, появилась ли после предложения осмотреть помещение или была названа исследователем первой. То же относится к проводнику, экрану, совету и подготовке новой жизни. Сходство слов перестаёт быть единственным критерием; становится видимой история появления каждого элемента. Именно она определяет, насколько независимыми являются повторения.

Рисунок 26. Как вопрос направляет рассказ. Слева — открытый вопрос «Что было дальше?», справа — предполагающий встречу вопрос «Кто вас встретил?». Авторская модель показывает разные условия появления ответа.

Ожидания и границы сценария

В издательской аннотации исследования Роберта Бейкера сообщается о 60 студентах, получивших поддерживающую, нейтральную либо скептическую подготовку к регрессии.

Количество сообщённых прошлых жизней зависело от установки. Аннотация не позволяет восстановить все детали распределения по группам и размеры эффекта. Работа указывает на значение предварительного ожидания, а историческую истинность отдельных рассказов этим результатом не определяет. [80]

Влияние ожидания не обязательно означает пассивное повторение подсказки. Человек может удивляться собственным образам, сопротивляться предполагаемому сюжету или сообщать то, чего интервьюер не ожидал. В книге Брайана Вейсса материал одной пациентки включает отдых, ожидание и обязанность возвращения; в одной сессии ожидаемая встреча с «мастерами» не состоялась. Такой эпизод показывает изменчивость самого рассказа, но не предоставляет независимой проверки описанного устройства мира. [81]

Поэтому простое деление на «полностью внушённое» и «полностью независимое» слишком грубо для анализа. Возможны разные вклады: исходное впечатление, заданная тема, случайно возникший образ, уточнение после вопроса, позднее толкование. В конкретной записи следует искать их последовательность. Чем подробнее сохранён протокол, тем меньше приходится угадывать, какая часть содержания принадлежала первоначальному переживанию, а какая возникла при его обсуждении.

Особенно важна независимость повторений. Сто похожих ответов после одной и той же инструкции могут отражать устойчивость работы этой инструкции. Сто похожих ранних сообщений без известного общего источника ставят иной вопрос. В обоих случаях обнаруживается закономерность, но закономерности относятся к разным объектам. Первая может описывать взаимодействие процедуры и воображения, вторая — более широкий механизм возникновения рассказов. Число ответов без сведений об их происхождении не выбирает между объяснениями.

Культура до и после переживания

Гипотеза индивидуального оформления предполагает, что знакомые человеку образы служат способом предъявить общий смысл. Её можно сформулировать достаточно точно для обсуждения. Но сначала нужно разделить три возможных момента влияния культуры: содержание самого переживания, слова при первом рассказе и позднейшую интерпретацию. Один и тот же образ может получить религиозное название лишь после возвращения. Если это произошло, название нельзя автоматически приписывать исходному состоянию.

Рисунок 27. Культурное оформление опыта. Аналитическая схема разделяет три возможных уровня влияния привычных образов и языка: само переживание, первый рассказ и позднее истолкование.

В японском исследовании Мориты и соавторов о предсмертных видениях сообщали родственники. Вероятность сообщения была связана с религиозностью и убеждениями самого отвечавшего родственника. Такая связь не устанавливает причину переживания пациента, зато показывает ещё одно место возможного отбора: наблюдатель решает, что заметить, запомнить и назвать видением. [82]

В названии иранского исследования Рашиди и соавторов используется слово rebirth. По содержанию оно обозначает личностное обновление после возвращения к жизни, а не новое воплощение в другом теле. Подобные различия важны при сравнении публикаций на разных языках: буквальное совпадение слова не гарантирует совпадения исследуемого явления. [83]

Модель персонального оформления должна задавать и пределы изменчивости. Если общий путь сохраняется, какие его признаки обязаны присутствовать независимо от религии? Сопровождение может иметь разные образы, но обязательность сопровождения — уже отдельное предсказание. Комната выбора и непосредственное решение могут выполнять сходную функцию, однако принуждение и свободный отказ различаются по правилу действия. Нельзя считать все противоречия сменой декораций, если гипотеза претендует на описание общего процесса.

Память, вопросы и культура поэтому образуют важную часть объяснения повторяющихся сюжетов. Их участие можно исследовать, не решая заранее всю проблему происхождения сознания. Точная работа начинается с различения того, что возникло, что сохранилось, что было предложено и что было названо позднее. После такого разбора к общей карте возвращаются уже не одинаково весомые рассказы, а свидетельства с разной историей. Именно из них предстоит построить схему, которая выдержит собственные исключения.

Часть V Карта и смысл

Глава 15

Карта с ответвлениями

Что изображает карта

После рассмотрения отдельных групп свидетельств возникает соблазн собрать их в единую последовательность. Отделение от тела, переход, встреча, обзор жизни, пребывание, выбор и новое рождение образуют понятное повествование. Но понятность последовательности и подтверждение переходов между её звеньями — разные свойства.

Карта, предлагаемая в этой главе, представляет отношения между описанными мотивами. Её узлы обозначают классы переживаний. Стрелки показывают возможные переходы внутри рассказов или исследовательские предположения о связи групп источников. Там, где полный переход не наблюдался у одного человека, связь должна оставаться условной.

Такое построение полезно даже без решения вопроса о внешней реальности описанного пространства. Оно позволяет увидеть, какие элементы исследуются достаточно подробно, где используются разные значения одного слова и на каких участках особенно легко незаметно достроить отсутствующую информацию.

У карты два масштаба. В крупном масштабе видны функции: изменение отношения к телу, встреча, пребывание, решение. В малом масштабе сохраняются конкретные детали: форма проводника, способ общения, ощущение собственного тела, последовательность действий. Переходить к обобщению следует так, чтобы возможность вернуться к отдельному рассказу не исчезала.

Узлы сравнительной карты

Узел	Что сопоставляется	Глава
Телесная перспектива	Положение себя и доступ к сведениям об окружении	4
Переход и встреча	Изменение среды, узнавание и общение	5
Обзор и пространство	Обращение к биографии, предметы и способы получения смысла	6
Пребывание	Отдых, восстановление, ожидание и занятия	7
Решение	Согласие, отказ, отсрочка и ограничение выбора	8
Прежняя биография	Возвращение после переживания к прежней жизни	3, 4 и 8
Предполагаемая новая жизнь	Память до рождения и проверка связи биографий	9 и 11
Время	Внешние метки и субъективная длительность	10
Другие свидетельства	Сны и рассказы сопровождающих	12

Начальный участок

Начальный узел можно назвать изменением обычной телесной перспективы. Это более осторожное описание, чем уже готовое утверждение об отделении самостоятельной сущности. Оно охватывает то, что доступно в рассказе: местоположение наблюдателя, вид собственного тела, изменение боли, лёгкость, отсутствие привычных границ.

Следующий узел относится к изменению окружения. Здесь важно не предполагать физическое перемещение только на основании рассказа о переходе. В рассмотренных в главе 5 описаниях встречаются и путь с последовательностью ориентиров, и появление новой сцены без подробного

перехода. Для карты это разные варианты связи между состояниями.

Встреча образует ещё один узел. Его функция может заключаться в узнавании, помощи, сообщении или ограничении дальнейшего движения. Эти функции не требуют заранее считать каждого встречающего проводником. Существо, которое сообщает о необходимости вернуться, и знакомый человек, с которым происходит эмоциональная встреча, могут занимать разные роли.

Обзор биографии, варианты которого рассмотрены в главе 6, следует обозначать отдельно. Роль встречающего и способ обращения к биографии не обязательно совпадают. Его содержанием бывают воспоминания, оценка последствий и чувство понимания. Карта не должна выводить обязательное существование суда только из наличия оценки.

Пребывание и решение

Средняя область карты объединяет относительно устойчивое пребывание. Здесь необходимо сохранить различие отдыха, восстановления, общения, обучения и ожидания. Если человек не описывает занятий, это ещё не задаёт пустое состояние. Если упоминается лечение, важно выяснить, относится ли оно к самочувствию, воспоминаниям, эмоциональным последствиям или к образу телесного восстановления.

Решение о переходе образует самостоятельную область. В ней различаются предложение, согласие, отсрочка, убеждение, назначение и переживание принуждения. Подмена всех вариантов словом «выбор» уничтожила бы часть материала. С другой стороны, сообщение о необходимости вернуться ещё не раскрывает механизм этой необходимости.

Есть принципиальное различие между возвращением в прежнюю жизнь и предполагаемой подготовкой нового рождения. В первом случае рассказ обычно связывается с человеком, который продолжает прежнюю биографию. Во

втором требуется установить связь между биографиями или хотя бы происхождение утверждения о такой связи. Эти ветви не должны сливаться на рисунке только потому, что обе описываются словом «возвращение».

Сны близких располагаются рядом с картой, но не заменяют отсутствующий участок пути умершего. Они предоставляют сведения об опыте сновидца и иногда содержат утверждения, которые можно проверять. Чтобы использовать сон как наблюдение определённой стадии существования другого человека, необходим дополнительный аргумент. Само узнавание умершего не устанавливает дату его нового рождения или продолжительность пребывания.

Места разрыва

Самое существенное место разрыва находится между временным выходом из привычного состояния и необратимым завершением биографии. Околосмертный рассказ возвращён живым человеком. Его возможное продолжение после точки возвращения в источнике может отсутствовать. Дополнение этой части материалом о предрождении создаёт исследовательскую модель, которую ещё нужно связать с независимыми данными.

Второй разрыв возникает между рассказом о подготовке жизни и подтверждением конкретных обстоятельств этой жизни. Если взрослый человек описывает выбор родителей, последующее знание собственной семьи уже входит в его доступную биографию. Для проверки предшествующего знания нужна ранняя фиксация, позволяющая ограничить влияние этого знания.

Третий разрыв относится к сохранению субъекта. Даже если бы удалось установить перенос необычной информации, оставался бы вопрос, является ли получатель продолжением прежнего переживающего. Информационная связь, сходство характера и личное тождество требуют разных критериев.

Разрыв не означает, что связь невозможна. Он обозначает место, где существующих сведений недостаточно для следующего шага вывода. Научная карта становится полезнее, когда её неполнота видима. Читатель тогда может понять, какое новое наблюдение изменило бы устройство схемы.

Рисунок 28. Карта мотивов с развилками и разрывами. Связи условны и не задают обязательного порядка. Не каждый рассказ содержит все узлы.

Как сравнивать ветви

Одна возможность состоит в том, что перед нами разные формы общего процесса. Другая допускает несколько процессов с частично сходным содержанием. Ещё одна связывает сходство с общими средствами переживания и рассказа. Для выбора между ними недостаточно перечислить общие слова.

Следует искать сочетания признаков. Отдельное упоминание света мало говорит о порядке событий. Более содержательным было бы устойчивое сочетание редкого способа перехода, определённого вида взаимодействия и одинакового ограничения действия. При этом необходимо заранее определить критерии совпадения и проверить, насколько они зависят от культуры и вопросов интервьюера.

Противоречие тоже оценивается на уровне утверждения. Варианты цвета комнаты не обязательно нарушают модель общего функционального устройства. Различие между свободным отказом и обязательным возвращением может затрагивать сам предполагаемый механизм. Чем важнее правило для модели, тем меньше оснований объяснять его отсутствие только различием декораций.

Поэтому итоговая карта должна оставаться картой с ответвлениями. Она сохраняет возможность общего пути, но не требует единственной трассы там, где источники её не устанавливают. Следующий вопрос относится уже к смыслу предполагаемого движения: что именно могло бы оправдывать или вызывать повторное возвращение.

Глава 16

Зачем возвращаться

Причина, функция и смысл

Вопрос о причине перерождения выглядит единым, пока не уточнено значение слова «зачем». Иногда спрашивают о механизме: что вызывает следующий переход? Иногда — о функции: какой результат достигается повторением? Иногда — о личном смысле: почему человек мог бы согласиться на новую жизнь? Эти вопросы допускают разные ответы и разные способы проверки.

Механизм может действовать без осознанной цели. Цель может существовать у действующего лица, не определяя устройство всей системы. Личный смысл способен появиться после события, даже если не был его причиной. Поэтому переживание миссии нельзя автоматически считать описанием общего закона существования.

В предыдущих главах рассматривались сообщения о задачах, обучении, возвращении и возможности отсрочки. Теперь из них можно выделить несколько аналитических моделей. Это конструкции для сравнения предполагаемых правил. Ни одна из них не становится установленной только благодаря тому, что помогает связно прочитать рассказ.

У каждой модели следует спросить, что сохраняется между жизнями, что меняется, почему требуется телесная жизнь и по какому признаку процесс мог бы завершиться. Если ответы отсутствуют, название модели обозначает направление размышления, а не готовое объяснение.

Модель обучения

Наиболее понятная версия предполагает, что повторные жизни чему-то учат. Однако слово «обучение» нуждается в содержании. Получение сведений, освоение навыка,

изменение отношения к другому человеку и нравственное развитие представляют разные процессы. Для каждого требуются собственные признаки результата.

Если до рождения предполагается доступ к очень широкому знанию, возникает вопрос, какое знание ещё нужно приобрести в жизни. Один возможный ответ различает описание и проживание. Можно знать формулировку о боли и отдельно иметь опыт боли. Такая модель логически допускает ценность воплощения как приобретения определённого вида переживания. Но она ещё не объясняет, почему нужен именно данный опыт и почему он должен повторяться.

Другой ответ связывает обучение с изменением способа действия. В этом случае важно установить, что переносится дальше: память, склонность, способность принимать решения или отношение к другим. Без переносимого результата связь между последовательными жизнями становится неопределённой. Чтобы обосновать накопление, нужно определить переносимый результат и признаки его сохранения.

Забывание может быть включено в модель как условие самостоятельного выбора. Однако такое объяснение имеет цену. Чем полнее предполагаемое забывание, тем труднее проверить преемственность обучения. Если любой характер человека объявляется результатом прошлых уроков, гипотеза охватывает все исходы и почти не различает их.

Для исследовательского развития модели нужны ограничения. Например, какие изменения должны чаще встречаться при определённой последовательности биографий? Какие сообщения могли бы опровергнуть предположение о накоплении? Чем предполагаемый перенос отличается от обычного развития нынешнего человека? Эти вопросы не требуют заранее отрицать обучение. Они придают ему определённый смысл.

Есть и вопрос завершения. Если цель конечна, нужен критерий достаточности. Если цель постоянно меняется, нужно объяснить, в каком отношении следующий цикл продолжает предыдущий. Само слово «развитие» не сообщает ни направления, ни предела, ни того, кто оценивает результат.

Отношения и исправление

Другая модель помещает в центр отношения. Новая жизнь предполагается как возможность продолжить связь, исправить причинённое, изменить роли или помочь другому. Здесь единицей становится уже не отдельный человек, а сеть взаимодействий.

Такая схема порождает сложный вопрос согласования. Если обстоятельства одной жизни затрагивают многих, чьи решения участвуют в их выборе? Возможно ли несогласие? Меняется ли план, когда другой человек действует иначе? Модель, в которой каждый полностью выбирает собственную судьбу, должна объяснить пересечение этих выборов.

Из предполагаемого выбора обстоятельств также нельзя выводить, что нынешний человек действительно давал согласие на каждое произошедшее с ним событие. Для такого вывода потребовалось бы установить существование выбора, его содержание, понимание последствий и непрерывность принимающего решение субъекта. Эти условия не заменяются общим убеждением в предназначении.

Связь между страданием и обучением особенно нуждается в точности. То, что человек позднее нашёл смысл в перенесённом, не устанавливает, что страдание было заранее назначено для этой цели. Последующее осмысление и первоначальная причина остаются разными утверждениями. Благодаря этому различию исследование может обсуждать смысл, не приписывая людям недоказанные решения.

Реляционная модель стала бы содержательнее при наличии независимо записанных взаимосвязанных сообщений. Однако

даже такое совпадение потребовало бы проверки обычных каналов информации и правил сопоставления. Объяснять каждую встречу прошлым договором можно лишь ценой потери различимости между предположением и результатом.

Опыт, участие и служение

Ещё одна модель допускает, что цель состоит в разнообразии переживания. Тогда новая жизнь представляет иной способ видеть и действовать. Вопрос о конце цикла меняется: если разнообразие ценно само по себе, завершение не обязательно имеет форму выпускного испытания.

Такой вариант объясняет возможность множества различающихся жизней на уровне общей идеи. Но он не объясняет, почему требуются именно эти условия и кто оценивает их ценность. Необходимо также определить, существует ли общий носитель разнообразного опыта или каждый субъект получает только отдельную часть.

Модель участия делает акцент на действии в мире. Возвращение предполагается ради помощи, отношений или конкретной задачи. Для неё важно различать смысл, который человек приписывает своей жизни после переживания, и задачу, которую можно независимо проследить до него. Оба варианта могут иметь личное значение, но выполняют разную роль в проверке.

Наконец, возможна модель обязательного цикла. В ней переход происходит по правилу, которое не зависит от текущего желания. Такое предположение требует установить, что делает правило обязательным. Указание на учителя, совет или высший источник переносит вопрос к полномочиям этого действующего лица. Название инстанции само по себе не раскрывает основания её решения.

Рисунок 29. Пять объяснений предполагаемого возвращения. Слева направо, сверху вниз: обучение, отношения, разнообразие опыта, помощь и обязательный цикл. Авторская композиция сопоставляет аналитические модели, требующие уточнения результата, правил перехода и возможности завершения.

Свобода остаться

Вопрос об отказе от рождения содержит несколько ступеней. Переживающий может хотеть остаться, произнести отказ, получить отсрочку или иметь возможность окончательно выйти из цикла. Переход от одной ступени к другой требует дополнительных сведений.

Особенно трудно исследовать окончательный отказ. Выборка людей, рассказывающих о нынешней жизни, по своему устройству содержит тех, кто существует в нынешней жизни. На её основании нельзя непосредственно подсчитать долю тех, кто больше не родился. Это ограничение отбора сохраняется даже при временном принятии всей модели перерождений.

Сообщение «после нынешней жизни мне больше не придётся воплощаться» относится к предполагаемому

будущему. Для его проверки нужно определить, что считалось бы опровержением, как устанавливалось бы новое воплощение и насколько долго следовало бы наблюдать. Без таких условий слово «последняя» остаётся частью содержания рассказа.

Есть и различие между свободой выбора отдельного параметра и свободой отказаться от всей системы. Возможность выбрать семью, время или задачу не означает контроля над существованием вообще. Карта должна хранить эти свободы раздельно, иначе частное решение будет незаметно превращено в абсолютную автономию.

Кого называют Богом

При обсуждении цели возникает вопрос о высшем источнике. В описаниях глав 5 и 6 слово «Бог» обозначает разные вещи: узнаваемого собеседника, светящееся присутствие, всеохватывающее единство и последующее объяснение пережитого.

Эти значения не следует автоматически переводить друг в друга. Личное обращение предполагает отношение между участниками. Переживание единства может, напротив, сопровождаться ослаблением границы между собой и окружающим. Одинаковое слово в итоговом рассказе не устраняет разницы устройства опыта.

Гипотеза персонализированного предъявления допускает, что один источник принимает формы, понятные разным людям. Чтобы она поддавалась исследованию, нужно указать, что при изменении формы остаётся постоянным. Если меняться могут и внешний вид, и правила, и последовательность, и смысл решений, становится трудно определить, какие данные вообще свидетельствовали бы против единства источника.

Вопрос о смысле существования поэтому остаётся шире вопроса о повторяющемся сюжете. Сходство сообщений может показать устойчивый способ переживания цели. Для вывода об объективной цели всей системы требуется связать содержание этих сообщений с независимыми основаниями. Книга сохраняет эту границу и одновременно оставляет место для человеческого значения опыта.

Глава 17

Как проверять картину мира

Утверждение раньше объяснения

Следующий шаг после сопоставления историй состоит в формулировании утверждений, которые можно проверить по отдельности. Вопрос «существует ли весь описанный мир» слишком велик для одного наблюдения. Более определённый вопрос касается конкретной информации, последовательности событий или зависимости образов от условий.

Исследовательская программа может начаться с нескольких направлений. Можно проверять точность сообщения о недоступном обычному наблюдению предмете. Можно сравнивать ранние и поздние версии рассказа. Можно выяснять, меняется ли содержание при разных способах вопросов. Можно изучать последовательность сообщений о смерти другого человека. Эти задачи не обязаны заранее давать одинаковое объяснение.

Для каждого утверждения необходимы условия, при которых результат будет считаться совпадением, ошибкой или неопределённостью. Их желательно задавать до знакомства с ответом. Если правило меняется после результата, трудно отличить найденную закономерность от приспособления классификации.

Предлагаемые далее схемы являются направлениями исследования, а не описанием проведённых в этой книге экспериментов. Их реализация потребовала бы соответствующей профессиональной подготовки, согласования этических условий и защиты участников.

Наблюдение при медицинском событии

Клиническая проверка должна связывать три записи: объективную последовательность медицинских событий, условия доступности информации и ранний свободный рассказ человека. Даже точное сообщение о предмете мало помогает локализовать опыт, если неизвестно, когда этот предмет мог быть увиден или услышан обычным способом.

Возможные проверочные стимулы следует отделять от обычной информации палаты. Для временной привязки полезны заранее заданные изменения стимула и независимый журнал времени. При этом интервьюер, оценивающий ответ, по возможности не должен знать правильного содержания до фиксации рассказа.

До начала такого исследования фиксируют словарь допустимых совпадений, временное окно и способ оценки ответа. Если стимул меняется, правильность содержания и правильность времени становятся двумя отдельными результатами. Совпадение с любым когда-либо показанным изображением имеет другой смысл, чем совпадение с изображением из заранее определённого интервала.

Любая такая процедура подчиняется лечению. Она не предполагает создания опасного состояния или изменения необходимой помощи ради наблюдения. Задача состоит в регистрации естественно возникшего события при сохранении медицинских приоритетов.

Положительный результат потребовал бы разбирательства доступных каналов информации и воспроизводимости. Отрицательный результат тоже нужно читать в границах задачи. Если человек не сообщил о целевом стимуле, это может ограничивать конкретное предположение о восприятии этого стимула. Оно не обязательно отвечает на все вопросы о пережитом содержании.

Ранние сообщения о другой биографии

При исследовании детских рассказов центральное значение имеет фиксация до поиска совпадений. Свободные высказывания записываются с датой и контекстом. Затем отдельно сохраняются уточнения, вопросы взрослых и сведения, появившиеся после знакомства с предполагаемой прежней семьёй.

Список утверждений следует разделять по проверяемости. Общие фразы вроде наличия семьи имеют множество возможных соответствий. Редкое сочетание имени, места и события потенциально более информативно, но нуждается в проверке вариантов написания, широты поиска и обычных источников знания.

Важно сохранять ошибки и несоответствия. Если публикуются только удачные детали, невозможно оценить весь набор утверждений. Желательно также различать сведения, проверенные документом, рассказом одного родственника и согласием нескольких людей после совместного обсуждения.

Один возможный дополнительный контроль — независимое сопоставление исходного списка с несколькими биографиями по заранее установленным правилам. Оценщик не знает, какую семью участники считают соответствующей рассказу. Такой подход не устраняет все трудности поиска, но позволяет проверить, насколько выбор зависит от знания желаемого ответа.

Поиск предполагаемой биографии сам становится частью истории передачи информации. Поэтому его этапы требуется документировать. Независимость последующей проверки означает прежде всего возможность восстановить, какие сведения были у участников в каждый момент. Такая процедура полезна независимо от того, какое объяснение в итоге окажется предпочтительным.

Сны и сообщения о смерти

Для сновидений особенно перспективна регистрация до получения относящихся к ним известий. Дневник должен содержать не только необычные совпадения, но и последовательность обычных записей. Иначе неизвестен фон, на котором выделяется удачный случай.

Нужны заранее определённые правила соответствия. Совпадение имени, образа, общего настроения и конкретного события обладает разной точностью. Допустимый временной промежуток также меняет число возможных совпадений. Чем свободнее эти параметры, тем легче подобрать связь после знакомства с результатом.

В случае нескольких свидетелей записи следует получать до взаимного обсуждения. Отдельно отмечается уже имевшееся общение. Если разделение произошло слишком поздно, это не повод уничтожать данные, но основание ограничить вывод об их независимости.

Возможное контрольное сравнение состоит в оценке соответствия записей реальным событиям и сопоставимым контрольным событиям без подсказки оценщику, какие пары считаются предполагаемыми совпадениями. Правило формирования пар задаётся заранее. Результат тогда относится к способности установленной процедуры различать эти пары, а не к впечатлению от отдельно выбранной истории.

Даже хорошо документированное совпадение требует оценки доступных информационных каналов и частоты подобных сообщений. Один эпизод способен поставить вопрос, а серия с заранее определёнными условиями помогает понять его воспроизводимость.

Рисунок 30. Три пути проверки свидетельств. Схема сопоставляет исследование медицинского случая, детского сообщения и сна. Ранняя фиксация, проверка доступной информации и независимое сравнение включают сохранение совпадений и ошибок.

Персонализация и общий маршрут

Гипотеза общего пути с индивидуальным оформлением требует сравнения двух наборов признаков. Первый относится к образам: фигурам, предметам, пространствам и религиозным обозначениям. Второй — к отношениям и правилам: кто принимает решение, возможен ли отказ, что предшествует переходу, как сообщается информация.

Сходство второго набора при различии первого было бы совместимо с гипотезой персонализации. Но оно также может быть совместимо с общими свойствами человеческого рассказа. Поэтому потребуется сравнение с другими видами опыта и проверка влияния вопросов. Одного межкультурного перечня одинаковых тем недостаточно.

Описание культуры желательно получать независимо от содержания переживания. Нельзя сначала назвать образ христианским, а затем использовать его наличие как единственное доказательство христианских ожиданий человека. Следует учитывать реальные убеждения, знакомства с сюжетами и изменения взглядов до и после события.

Кодирование стоит поручать нескольким людям, которые применяют заранее определённые правила. Их расхождения сами представляют полезную информацию. Если одинаковую сцену разные исследователи устойчиво относят к разным фазам, это может указывать на неоднозначность карты, а не на особое свойство предполагаемого мира.

Какие результаты действительно изменили бы вывод

Сильное продвижение произошло бы при повторяемом получении заранее определённой информации в условиях, исключающих известные обычные каналы и позволяющих точно связать результат со временем события. Это повысило бы обоснованность конкретного необычного информационного эффекта. Дальнейший вывод о носителе информации всё равно потребовал бы отдельного анализа.

Другой важный результат мог бы заключаться в устойчивой зависимости сюжетов от способа интервью. Он помог бы установить, какие части карты создаются или усиливаются процедурой. Аналогично независимое воспроизведение определённого сочетания элементов при контролируемом воздействии уточнило бы механизм этого сочетания.

Исследование должно сохранять возможность изменений в обе стороны. Более строгие данные могут усилить необычную гипотезу, ограничить её, разделить на несколько явлений или показать, что первоначальная категория была слишком широкой. Это и делает программу исследовательской.

До появления таких результатов допустимо сохранять несколько объяснений с разной областью применимости. Важно понимать, на каком именно шаге заканчивается проверенное и начинается предположение. Такая ясность позволяет продолжать работу без требования заранее определить окончательный ответ.

Заключение

Человек, рассказывающий о переживании смерти или жизни до рождения, передаёт опыт, который уже прошёл через память и язык. Этот путь не обесценивает свидетельство. Он определяет, каким способом его можно изучать.

Сопоставление источников позволяет выделить узнаваемые темы: изменение телесной перспективы, встречу, получение смысла, пребывание, решение и возвращение. Однако повторение темы не устанавливает единственный внешний механизм, а последовательность, построенная из разных рассказов, не становится автоматически наблюдением полного цикла.

Наиболее плодотворными оказались различения, которые сначала выглядят небольшими. Остановка кровообращения отличается от необратимой смерти. Продолжительность медицинского события — от длительности пережитой сцены. Чувство присутствия — от узнавания конкретной личности. Уверенность — от точности. Перенос сведений — от продолжения того же субъекта. Отдых — от ожидания, а возможность отсрочки — от окончательного отказа.

Эти различения не уводят от вопроса о продолжении существования. Они делают его более определённым. Теперь можно спросить, какая информация могла сохраниться, какие свойства личности предполагаются непрерывными и какое наблюдение подтвердило бы конкретную связь между биографиями.

Предложенная карта остаётся условной. У неё есть относительно подробно описанные области и переходы, для которых не хватает данных. Отсутствие установленного полного маршрута не является доказательством невозможности такого маршрута. Оно означает, что его нельзя представлять читателю как завершённый результат наблюдения.

Вопрос о цели возвращения сохраняет самостоятельность. Даже установление необычной связи между жизнями ещё не объяснило бы, почему эта связь существует, обязательна ли она и кому принадлежит предполагаемая цель. Обучение, отношения, участие и исполнение задачи становятся исследовательскими моделями лишь тогда, когда получают определённые условия и различимые следствия.

Личное значение опыта может оказаться яснее его внешнего объяснения. Человек способен изменить отношение к жизни, памяти и близким, не располагая полной картиной устройства сознания. Исследование не обязано выбирать за него жизненный смысл. Его задача состоит в точном описании того, что известно и почему это считается известным.

Продолжение работы зависит от качества следующего наблюдения. Ранняя запись, независимый свидетель, сохранённая ошибка, открытый протокол и точная временная привязка иногда дают больше, чем ещё один законченный рассказ. Именно такие детали позволяют вопросу о границах сознания оставаться предметом последовательного исследования.

Приложение 1
Паспорт отдельного свидетельства

Паспорт предназначен для сопоставления опубликованных материалов. Он сохраняет происхождение каждой подробности и помогает не смешивать событие, воспоминание и интерпретацию. Неизвестное значение следует записывать как неизвестное. Пустая клетка не означает отсутствия явления.

Поля относятся к конкретному утверждению, а не только к рассказу целиком. Например, медицинские обстоятельства могут быть подтверждены документом, а фраза проводника известна лишь из позднего интервью. Эти сведения имеют разные основания даже внутри одного случая.

Поле	Содержание записи
Случай и публикации	Условное имя или идентификатор человека; список публикаций, относящихся к тому же случаю. Повторные пересказы отдельно не подсчитываются.
Тип сообщения	Околосмертное переживание; детские высказывания; воспоминание взрослого; сон; направляемая сессия; сообщение другого свидетеля.
Предполагаемое событие	Дата, место и обстоятельства, о которых идёт речь. Отдельно указывается основание каждой даты.
Первая доступная запись	Когда и кем сделана; сохранилась ли целиком; запись свободного рассказа или пересказ другого лица.
История вопросов	Что человек сообщил самостоятельно; что появилось после открытого уточнения; что возникло после содержательной подсказки.

Поле	Содержание записи
Медицинский контекст	Документированные состояния и интервалы. Сообщение родственников об отсутствии дыхания не подменяет медицинскую запись.
Состояние собственного Я	Местоположение, телесность, авторство действий, память о себе, способность оценивать происходящее.
Переживаемая среда	Зрение, слух, иные ощущения, устройство пространства, предметы, возможность движения и смены внимания.
Другие действующие лица	Образ, способ узнавания, речь или иной способ общения, содержание сообщения, приписанная роль.
Два времени	Внешние метки и субъективная последовательность записываются отдельно; указывается, какие границы действительно совпадают.
Проверяемое содержание	Точная исходная формулировка, варианты соответствия, источник подтверждения и наличие несоответствий.
Каналы информации	Контакты, чтение, обсуждения, знакомства, публикации и другие доступные пути знания до каждого этапа рассказа.
Независимость	Когда свидетели разговаривали друг с другом; что записано до общения и до получения подтверждающих сведений.
Итог по утверждениям	Подтверждено в обозначенных границах; опровергнуто; остаётся неопределённым; не поддаётся проверке по доступному материалу.

Приложение 2
Вопросы к каждой предполагаемой фазе

Эта таблица задаёт общий способ чтения. Её строки не утверждают обязательного порядка и не обозначают подтверждённых мест. При ответе необходимо сохранять слова рассказчика рядом с исследовательской классификацией.

Фаза	**Собственное Я**	**Среда и другие**	**Время и переход**
Изменение телесной перспективы	Что изменилось в положении себя и принадлежности тела? Сохранилась ли биография?	Что было видно или слышно? Какие земные детали доступны независимой проверке?	Есть ли внешняя метка сцены? Чем определяется её начало?
Переход	Кто вызывает движение? Может ли переживающий его остановить?	Есть ли путь, ориентиры или мгновенная смена окружения?	Описана длительность или только порядок? Какие границы используются?
Встреча	Как возникает узнавание? Что человек понимает в момент встречи?	Как выглядит присутствующий? Чем подтверждается приписанная личность?	Когда начинается общение? Что изменяется после сообщения?
Обзор биографии	Есть ли личное авторство оценки? Как переживается память?	Есть ли изображение, собеседник или непосредственное понимание?	Сцены следуют друг за другом или даны вместе? Есть ли внешний ориентир?

Фаза	Собственное Я	Среда и другие	Время и переход
Пребывание	Стабильно ли состояние? Меняются ли желания и самочувствие?	Какие занятия и отношения описаны? Что именно означает восстановление?	Как распознаётся течение времени? Что завершает пребывание?
Решение	Что можно выбрать, отложить или отклонить?	Кто предлагает, объясняет или ограничивает решение?	Когда решение становится окончательным? Есть ли повторное обсуждение?
Связь с телесной жизнью	Что именно предполагается непрерывным?	Как связываются семья, тело и биографические сведения?	Рождение и изменение идентичности различены? Есть ли подтверждённые даты?
Последующее воспоминание	Что сохранилось и как изменилось понимание?	Кто участвовал в расспросах и поиске соответствий?	Когда появилась первая запись? Какие сведения стали известны позже?

Приложение 3
Словарь основных понятий

Определения ниже задают значения терминов в этой книге. Они не требуют согласия с единственной философской теорией сознания.

Квалиа. Субъективная сторона опыта, то, как переживается ощущение или состояние. Описание квалиа отличается от установления внешней причины этого опыта.

Феноменология. В данном контексте описание того, как состояние дано переживающему: образов, чувств, времени, телесности и положения собственного Я.

Субъект опыта. Предполагаемый переживающий. Термин позволяет поставить вопрос о непрерывности переживания, не задавая заранее его физическую или иную природу.

Самосознание. Осознание себя; в анализе различаются минимальное чувство присутствия, знание собственной биографии и другие формы отношения к себе.

Рефлексия. Способность замечать и оценивать собственное состояние. Наличие опыта не обязательно сопровождается развёрнутым размышлением о нём.

Самолокализация. Переживаемое местоположение себя. Его описание само по себе не измеряет физическое положение источника информации.

Личное тождество. Утверждение, что речь идёт о том же субъекте в разные моменты. Сходство сведений или характера ещё не задаёт готового критерия тождества.

Околосмертное переживание. Переживание, которое человек связывает с близостью смерти; в рассматриваемых публикациях о нём судят по последующему сообщению. Конкретные медицинские обстоятельства и критерии опросника устанавливаются отдельно.

Внетелесное переживание. Опыт, в котором человек описывает себя находящимся вне обычных телесных границ или наблюдающим тело из иной позиции. Термин относится к переживанию.

Интермиссия. Предполагаемый промежуток между жизнями в рассказах о перерождении. Его содержание и длительность не выводятся из одного календарного разрыва.

Реинкарнация. Предположение о продолжении существования через новую телесную жизнь. Разные модели по-разному определяют, что именно продолжается.

Проспективное исследование. Исследование, в котором условия наблюдения определяются до получения интересующего результата. Конкретное качество зависит от выполнения протокола.

Ретроспективное исследование. Исследование уже произошедших событий по воспоминаниям и сохранившимся материалам. Его возможности зависят от ранних записей и истории информации.

Коррелят. Измеряемый признак, связанный с другим показателем. Наличие связи само по себе не определяет направление причинности или конкретное содержание переживания.

Направляемая регрессия. Процедура, в которой человеку предлагают обратиться к предполагаемому прошлому. Пережитая убедительность ответа не удостоверяет его историческое происхождение.

Криптомнезия. Использование ранее полученной информации без доступного воспоминания о её источнике. В конкретном случае такое объяснение также требует оснований.

Независимая фиксация. Запись, сделанная при условиях, позволяющих ограничить влияние других рассказов или последующей проверки. Степень независимости устанавливается по обстоятельствам.

Функциональный код. Исследовательское обозначение роли элемента рассказа: например, сопровождения или ожидания. Код не заменяет исходного описания: исследователь сохраняет оба.

Отрицательный случай. Случай с прямым сообщением об отсутствии ожидаемого элемента либо с результатом, противоречащим определённому предположению. Пропущенное сведение само по себе отрицательным случаем не является.

Приложение 4 Указатель обсуждаемых сообщений

Указатель помогает вернуться от общей схемы к конкретному источнику. В нём собраны 29 документов с личными сообщениями, обсуждаемыми в главах 5–9; некоторые из них также используются в других разделах. Номер в квадратных скобках отсылает к библиографии. Это перечень документов для навигации, а не число независимых подтверждений. В частности, две версии рассказа Оделла относятся к одному рассказчику, а отдельные эпизоды Шелли и Кэми нельзя соединять в непрерывный путь.

Источник	Сообщение	Главы
[14]	Mrs. Grace	5
[15]	Питер N	5
[16]	Шэрон T	5
[17]	Вэл C	5
[18]	Лиза R	5
[19]	Тина W	5
[20]	Сэмми E	5
[21]	Кэтрин L	6
[22]	Оделл H	6
[23]	Риэтте W	6
[24]	Шелли P	6
[25]	Джордж C	6
[26]	Брайан D	6
[27]	Стивен I	6

Источник	Сообщение	Главы
[28]	Кэми R	6
[29]	Морин K	7
[30]	Джеймс	7
[31]	Анджела E	7
[32]	Дженнифер B	7
[33]	Диана G	7
[34]	Кэри T	7
[35]	Адам K	8
[36]	Мишель N	8
[37]	Кристиан Сандберг	8
[38]	Дженнифер	8
[39]	Алекс P	8
[40]	Урсула K	8
[42]	Мэй	9
[43]	Билл D	9

Сопутствующие файлы source_registry.csv и source_registry.json сохраняют ссылку, вид материала и места обсуждения в исходном тексте. Год публикации не используется вместо даты первого независимого документирования. Неустановленные даты остаются неустановленными. Проверка происхождения конкретного утверждения требует паспорта из приложения 1 и возвращения к самому источнику.

Приложение 5
Как проверить порядок эпизодов

От повторения темы к предсказанию

Гипотеза общего пути становится сильнее, если заранее предсказывает устройство нового рассказа. Для этого недостаточно найти в уже прочитанном материале свет, встречу и возвращение. Нужны фиксированные правила: что считается каждым событием, как устанавливается порядок, какие исключения допускаются и на каких независимых сообщениях будет проверяться прогноз. Ниже предложена авторская исследовательская программа, продолжающая главы 15 и 17. Она не описывает проведённое испытание на людях.

Сопоставим две модели. Первая учитывает частоты мотивов, культурный контекст и процедуру интервью, не предполагая единого порядка. Вторая добавляет определённые ограничения на переходы. Обе должны работать с одними и теми же исходными текстами. Словесное описание модели превращается в исследовательское обязательство только после задания вычислимого прогноза и допустимой сложности. Число свободных исключений нельзя увеличивать вслед за каждой неудачей.

Данные до объединения

Сначала создаются два связанных реестра: людей и документов. Разные публикации, интервью и версии одного эпизода не распределяются между обучением и проверкой как независимые случаи. Отдельно отмечаются свободный рассказ, уточнение и содержательная подсказка. Для каждого мотива различаются описание, прямое отрицание, отсутствие упоминания, отсутствие вопроса и неоднозначность. Для

порядка дополнительно сохраняются явное предшествование, следование, одновременность и неустановленная связь.

Два кодировщика сначала работают раздельно. До согласования сохраняются их исходные решения. Особенно важно различать образ и функцию: белая одежда ещё не задаёт медицинскую помощь, а присутствие другого — сопровождение. Разногласие может показывать недостаточность определения. Его нельзя исправлять только выбором кода, который делает общий маршрут красивее.

Малый вычислимый пример

Разберём восемь полностью искусственных записей. В шести явно описаны переход и встреча, причём в пяти переход предшествует встрече. В седьмой есть только переход, в восьмой оба элемента перечислены без установленного порядка. Последние две записи сохраняются в наборе, но не входят в сравнение направлений этой пары. Пропуск не превращается в обратный порядок.

Запись	Условные события	Установлен порядок
D1	переход → встреча	да
D2	тело → переход → встреча	да
D3	переход → тело → встреча	да
D4	переход → встреча → решение	да
D5	переход → встреча	да
D6	встреча → переход	да
D7	только переход	для пары нет
D8	переход и встреча	нет

Для учебного контроля заранее выберем очень узкую нулевую модель: направления пары независимы и имеют вероятность одной второй. Вероятность получить не менее пяти совпадений из шести при таком правиле равна [C(6,5) +

C(6,6)]/2^6 = 7/64 = 0,109375. Поэтому даже пять одинаковых направлений из шести не делают результат автоматически необычным относительно выбранного контроля. Это не вероятность ложности общего пути и не сравнение со всеми возможными психологическими объяснениями.

Программа воспроизводит этот пример, перечисляет причины исключения записей и отвергает повторные идентификаторы. Она также вычисляет 433 дня из главы 10 и границу 2,9 процента из главы 3. Исходный код и порядок запуска приведены в сопроводительных материалах.

Сильная проверка следующего случая

Для настоящего корпуса равновероятность направлений уже потребует обоснования. Интервью может само задавать последовательность, а длина рассказа — определять число доступных переходов. Поэтому соперник должен учитывать эти свойства. Итог сравнения следует оценивать на заранее отложенных людях и источниках, затем отдельно проверять перенос между культурными и языковыми группами. Предлагаемый основной показатель — средняя логарифмическая потеря прогноза на новых независимых единицах; надёжность вероятностей проверяется отдельно.

Устойчивый выигрыш модели порядка на новых сообщениях поддержит её предсказательную ценность. Исчезновение выигрыша после учёта интервью укажет на роль процедуры. Ни один из исходов сам по себе не устанавливает посмертного носителя или тождество субъекта. Для этого нужна теория, связывающая структуру сообщений с различающимися наблюдаемыми следствиями.

Источники

Номера соответствуют ссылкам в тексте. Для личных рассказов указана архивная запись, для исследований — публикация или доступная авторская копия. Ограничения доступа отмечены там, где использована аннотация либо неполная публикация. Ссылка ведёт к материалу, по которому можно восстановить происхождение сведений.

1. Greer D. M., Kirschen M. P., Lewis A. et al. *Pediatric and Adult Brain Death/Death by Neurologic Criteria Consensus Guideline.* 2023. DOI 10.1212/WNL.0000000000207740. Terminology; General Principles; Recommendation 1.

2. Bray J. E., Gräsner J. T., Nolan J. P. et al. *Cardiac Arrest and Cardiopulmonary Resuscitation Outcome Reports: 2024 Update of the Utstein Out-of-Hospital Cardiac Arrest Registry Template.* 2024. DOI 10.1161/CIR.0000000000001243. Table 2; Process.

3. Parnia S., Spearpoint K., de Vos G. et al. *AWARE—AWAreness during REsuscitation—A prospective study.* 2014. DOI 10.1016/j.resuscitation.2014.09.004. Resuscitation 85:1799–1805; pp. 1802–1803; Table 2.

4. Parnia S., Keshavarz Shirazi T., Patel J. et al. *AWAreness during REsuscitation - II: A multi-center study of consciousness and awareness in cardiac arrest.* 2023. DOI 10.1016/j.resuscitation.2023.109903. Resuscitation 191:109903; Results; Figure 2.

5. Sanders R. D., Gaskell A., Raz A. et al. Incidence of Connected Consciousness after Tracheal Intubation: A Prospective, International, Multicenter Cohort Study of the Isolated Forearm Technique. 2017. DOI 10.1097/ALN.0000000000001479. Anesthesiology 126(2):214–222; Abstract.

6. Mauduit M., Anselmi A., Tomasi J. et al. *Does Hypothermic Circulatory Arrest for Aortic Surgery Trigger Near-Death Experience? Incidence of Near-Death Experiences after Aortic Surgeries Performed under Hypothermic Circulatory Arrest.* 2021. DOI 10.1055/s-0041-1725091. Methods; Results; Tables 2–4.

7. Rousseau A.-F., Dams L., Massart Q. et al. *Incidence of near-death experiences in patients surviving a prolonged critical illness and their long-term impact: a prospective observational study.* 2023. DOI 10.1186/s13054-023-04348-2. Critical Care 27:76; Results; Discussion.

8. Blanke O., Ortigue S., Landis T., Seeck M. *Stimulating illusory own-body perceptions.* 2002. DOI 10.1038/419269a. Nature 419:269–270.

9. Ehrsson H. H. *The Experimental Induction of Out-of-Body Experiences.* 2007. DOI 10.1126/science.1142175. Science 317:1048.

10. Blanke O., Pozeg P., Hara M. et al. *Neurological and Robot-Controlled Induction of an Apparition.* 2014. DOI 10.1016/j.cub.2014.09.049. Current Biology 24(22); Studies 2–4.

11. Ring K., Cooper S. *Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind: A Study of Apparent Eyeless Vision.* 1997. DOI 10.1023/A:1025010015662. Journal of Near-Death Studies 16(2):101–147; pp. 119–123, 133–135.

12. Rivas T., Smit R. H. *A Near-Death Experience with Veridical Perception Described by a Famous Heart Surgeon and Confirmed by his Assistant Surgeon.* 2013. DOI 10.17514/JNDS-2013-31-3-p179-186. Journal of Near-Death Studies 31(3):179–186; pp. 181–186.

13. Holden J. M., Joesten L. *Near-Death Veridicality Research in the Hospital Setting: Problems and Promise.* 1990. DOI 10.17514/JNDS-1990-9-1-p45-54. Journal of Near-Death Studies 9(1):45–54; pp. 50–52.

14. Mrs. Grace. *Mrs. Grace NDE 7649.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

15. Peter N. *Peter N NDE.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

16. Sharon T. *Sharon T NDE 8597.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

17. Val C. *Val C NDE 9155.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

18. Lisa R. *Lisa R NDE 9456.* 2022. Свободный рассказ и ответы анкеты.

19. Tina W. *Tina W NDE 8608.* 2018. Свободный рассказ и ответы анкеты.

20. Sammy E. *Sammy E NDE 13385.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

21. Katherine L. *Katherine L NDE 8213.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

22. Odell H. *Odell H NDE 6339 and 5003.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

23. Riëtte W. *Riëtte W Pre-birth 3519.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

24. Shelley P. *Shelley P Experience.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

25. George C. *George C Pre-birth 3414.* 2019. Свободный рассказ и ответы анкеты.

26. Bryan D. *Bryan D NDE 13327.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

27. Stephen I. *Stephen I Pre-Birth 3099.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

28. Cami R. *Cami R NDE 6132.* 2011. Свободный рассказ и ответы анкеты.

29. Maureen K. *Maureen K NDE 8982.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

30. James. *James Other 6402NDE.* 2012. Свободный рассказ и ответы анкеты.

31. Angela E. *Angela E Other.* 2011. Свободный рассказ и ответы анкеты.

32. Jennifer B. *Jennifer B Pre-birth 3201.* 2017. Свободный рассказ и ответы анкеты.

33. Diane G. *Diane G NDE 622.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

34. Cary T. *Cary T Pre-birth 3363.* 2019. Свободный рассказ и ответы анкеты.

35. Adam K. *Adam K Pre-birth 3421.* 2020. Свободный рассказ и ответы анкеты.

36. Michelle N. *Michelle N Pre-birth 3443.* 2020. Свободный рассказ и ответы анкеты.

37. Christian Sundberg; Rick Archer. *Christian Sundberg Transcript Pre-Birth Memories Veiling and the Purpose of Incarnation.* 2021. Интервью Buddha at the Gas Pump 613; полная расшифровка.

38. Jennifer. *Jennifer Pre-birth 3370.* 2019. Свободный рассказ и ответы анкеты.

39. Alex P. *Alex P Prebirth 3264.* 2018. Свободный рассказ и ответы анкеты.

40. Ursula K. *Ursula K NDE 13301.* б. г. Свободный рассказ и ответы анкеты.

41. Masayuki Ohkado; Akira Ikegawa. *Children with Life-between-Life Memories.* 2014. Journal of Scientific Exploration 28(3), 477–490; раздел The Subjects, таблица 2, описание наблюдения свадьбы и примечание 10.

42. Mae. *Mae Prebirth 3289.* 2018. Свободный рассказ и ответы анкеты.

43. Bill D. *Bill D Prebirth 3435.* 2020. Свободный рассказ и ответы анкеты.

44. Poonam Sharma; Jim B. Tucker. *Cases of the Reincarnation Type with Memories from the Intermission Between Lives.* 2004. Journal of Near-Death Studies 23(2), 101–118; метод на с. 102 и описание трёх стадий на с. 107–108.

45. James G. Matlock; Iris Giesler-Petersen. *Asian Versus Western Intermission Memories Universal Features and Cultural Variations.* 2016. DOI 10.17514/JNDS-2016-35-1-p3-29. Journal of Near-Death Studies 35(1); abstract и введение.

46. Masayuki Ohkado. *A Case of a Japanese Child with Past-Life Memories.* 2013. Journal of Scientific Exploration 27(4), 625–636; описание исследования и таблица высказываний.

47. Ian Stevenson; Godwin Samararatne. *Three New Cases of the Reincarnation Type in Sri Lanka With Written Records Made Before Verifications.* 1988. Journal of Scientific Exploration 2(2), 217–238; случай Thusitha Silva.

48. Rawat K. S. *The Case of Shanti Devi.* 1997. Абзацы с датами смерти и рождения.

49. Rawat K. S.; Rivas T. *The Life Beyond: Through the Eyes of Children Who Claim to Remember Previous Lives.* 2005. PDF с.3–4.

50. Haraldsson E. *Birthmarks and Claims of Previous-Life Memories: I. The Case of Purnima Ekanayake.* 2000. С.18–20; таблица 2.

51. Stevenson I. *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation.* 1974. Jasbir c.34–52; Swarnlata c.67–69.

52. Matlock J. G. *Congenital Physical Anomalies Associated with Deceased Persons in Reincarnation Cases with Intermissions of Less Than Nine Months.* 2023. DOI 10.1016/j.explore.2022.08.019. Методы; таблица 1.

53. Stevenson I.; Pasricha S.; McClean-Rice N. *A Case of the Possession Type in India With Evidence of Paranormal Knowledge.* 1989. С.81–101.

54. Barrington M. R.; Mulacz P.; Rivas T. *The Case of Iris Farczády—A Stolen Life.* 2005. Journal of the Society for Psychical Research 69.2 c.49–77.

55. Brown A. S.; Murphy D. R. *Cryptomnesia: Delineating Inadvertent Plagiarism.* 1989. DOI 10.1037/0278-7393.15.3.432. Аннотация или фрагмент публикации. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition 15(3) c.432–442.

56. Thomason S. G. *Xenoglossy.* 1995. С.5–8 и 10–11.

57. Stevenson I. *Children Who Remember Previous Lives: A Question of Reincarnation, revised edition.* 2001. Глава 10; примечания 8.13 и 10.1.

58. Wright S. T. et al. *The impact of dreams of the deceased on bereavement: a survey of hospice caregivers.* 2014. DOI 10.1177/1049909113479201. Аннотация или фрагмент публикации. American Journal of Hospice and Palliative Care 31(2) c.132–138.

59. Kerr C. W. et al. *End-of-Life Dreams and Visions: A Longitudinal Study of Hospice Patients' Experiences.* 2014. DOI 10.1089/jpm.2013.0371. Journal of Palliative Medicine 17(3) c.296–303.

60. Depner R. M. et al. *Expanding the Understanding of Content of End-of-Life Dreams and Visions: A Consensual Qualitative Research Analysis.* 2020. DOI 10.1089/pmr.2020.0037. Методы и тематический анализ.

61. Dam A. K. *Significance of End-of-life Dreams and Visions Experienced by the Terminally Ill in Rural and Urban India.* 2016. DOI 10.4103/0973-1075.179600. Методы, результаты и примеры.

62. Barrett W. *Death-Bed Visions: The Psychical Experiences of the Dying.* 1926. Глава 2.

63. Haraldsson E. *Alleged Encounters with the Dead: The Importance of Violent Death in 337 New Cases.* 2009. С.107–110; случай 2180.

64. Shared Crossing Research Initiative. *Comparing Near-Death Experiences and Shared Death Experiences: An Illuminating Contrast.* 2022. DOI 10.17514/JNDS-2022-40-2-p77-94. С.79–86.

65. Tressoldi P. et al. *Shared Death Experiences: A Multicultural Survey.* 2023. DOI 10.1177/10499091221093270. Аннотация или фрагмент публикации. Методы препринта от 26 января 2022.

66. Hinton D. E.; Peou S.; Joshi S.; Nickerson A.; Simon N. M. *Normal Grief and Complicated Bereavement Among Traumatized Cambodian Refugees: Cultural Context and the Central Role of Dreams of the Dead.* 2013. DOI 10.1007/s11013-013-9324-0. Культурный контекст и разбор снов.

67. Black J. et al. *Comforting Versus Distressing Dreams of the Deceased: Relations to Grief, Trauma, Attachment, Continuing Bonds, and Post-Dream Reactions.* 2021. DOI 10.1177/0030222820903850. Методы кодирования.

68. Vicente R., Rizzuto M., Sarica C. et al. *Enhanced Interplay of Neuronal Coherence and Coupling in the Dying Human Brain.* 2022. DOI 10.3389/fnagi.2022.813531. Frontiers in Aging Neuroscience 14:813531; Results; Table 1; Discussion.

69. Xu G., Mihaylova T., Li D. et al. *Surge of neurophysiological coupling and connectivity of gamma oscillations in the dying human brain.* 2023. DOI 10.1073/pnas.2216268120. PNAS 120(19):e2216268120; Discussion.

70. Martial C., Piarulli A., Gosseries O. et al. *EEG signature of near-death-like experiences during syncope-induced periods of unresponsiveness.* 2024. DOI 10.1016/j.neuroimage.2024.120759. NeuroImage 298:120759; Results; Table 1.

71. Martial C., Carhart-Harris R., Timmermann C. *Within-subject comparison of near-death and psychedelic experiences: acute and enduring effects.* 2024. DOI 10.1093/nc/niae033. Neuroscience of Consciousness 2024(1):niae033; Tables 2–7.

72. Fritz P., Pichelin A., Ancion A., Alnagger N., Lejeune N., Ghuysen A., Gosseries O., Martial C. *Near-Death Experience During Emergency Ketamine Use: A Case Report.* 2025. DOI 10.1002/brb3.70939. Brain and Behavior 15(10):e70939; Case Report; Discussion.

73. Martial C., Fritz P., Gosseries O., Bonhomme V., Kondziella D., Nelson K., Lejeune N. *A neuroscientific model of near-death experiences.* 2025. DOI 10.1038/s41582-025-01072-z. Nature Reviews Neurology 21:297–311; NEPTUNE; Conclusions.

74. Moore L. E.; Greyson B. *Characteristics of memories for near-death experiences.* 2017. DOI 10.1016/j.concog.2017.03.003. Методы, результаты и ограничения.

75. Schmidt B.; Böhmer J.; Schnürch M.; Koch T.; Michelmann S. *Post-hypnotic suggestion improves confidence and speed of memory access with long-lasting effects.* 2024. DOI 10.1016/j.actpsy.2024.104240. Методы 2.1–2.3; результаты 3.

76. Meyersburg C. A.; Bogdan R.; Gallo D. A.; McNally R. J. *False Memory Propensity in People Reporting Recovered Memories of Past Lives.* 2009. DOI 10.1037/a0015371. Journal of Abnormal Psychology 118(2) с.399–404.

77. Wambach H. *Life Before Life.* 1979. Методический раздел и вопросы о выборе рождения.

78. Wambach H.; редакция Snow C. *Past-Life Therapy: The Experiences of Twenty-Six Therapists.* 1986. Раздел о смерти и переходе.

79. The Michael Newton Institute. *Life Between Lives Hypnotherapy Training: Training Manual & Guidelines for LBL Facilitation.* 2022. С.18–29, 96, 99–100.

80. Baker R. A. The Effect of Suggestion on Past-Lives Regression. 1982. DOI 10.1080/00029157.1982.10404067. Издательская аннотация.

81. Weiss B. L. *Many Lives, Many Masters.* 1988. PDF с.51 и 93–94.

82. Morita T. et al. Nationwide Japanese Survey About Deathbed Visions: “My Deceased Mother Took Me to Heaven”. 2016. DOI 10.1016/j.jpainsymman.2016.04.013. Первичная аннотация.

83. Rashidi et al. *Rebirth: Near-Death Experiences (NDE) in Iranian Muslim Patients: An Interpretive Phenomenological Study.* 2025. DOI 10.22038/ebcj.2025.88508.3145. Название методы и интерпретация темы Rebirth.

84. Koch C., Massimini M., Boly M., Tononi G. Neural correlates of consciousness: progress and problems. 2016. Nature Reviews Neuroscience 17:307–321. DOI 10.1038/nrn.2016.22. Определение нейронных коррелятов и различие механизма, фоновых условий и маркера. Аннотация и Key Points издателя.

Автор и проекты

Электронная почта: info@brenev.com

Сайт автора: brenev.com

Сайт Миры: mira.technology

Другие проекты: haraizen.tech

Телеграм: https://t.me/Eudgenee